

ИЗВѢСТІЯ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Подъ редакціей Правителя Дѣла И. И. Серебrenникова.

ТОМЪ XLV. 1916 годъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ
Дмитрія Александровича
Клеменца.

И Р К У Т С К Ъ.
Типографія Иркутскаго Т-ва Печатнаго Дѣла.

1917.

Дмитрій Александровичъ
Клеменць въ 1875 $\frac{1}{2}$ г.

О дѣятельности Д. А. Клеменца въ Восточно-Сибирскомъ Отдѣлѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Дѣятельное участіе Д. А. Клеменца въ работахъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества началось съ 1890 года, почти тотчасъ же по приѣздѣ его въ г. Иркутскъ. Сношенія его съ Отдѣломъ начались ранѣе, и нѣкоторыя свои экскурсіи, въ предѣлахъ Енисейской губерніи, Д. А. Клеменць совершилъ по прямому порученію Отдѣла, или находясь съ послѣднимъ въ опредѣленныхъ обязательствахъ. Въ 1889 году Д. А. Клеменцомъ были доставлены, на примѣръ, въ музей Отдѣла геологическія, ботаническія и этнографическія коллекціи, собранныя въ Енисейской губерніи. Д. А. былъ приглашенъ для занятій въ Отдѣлѣ, какъ лицо, достаточно уже себя зарекомендовавшее въ области изученія Енисейской губерніи и сопредѣльной съ нею Монголіи. И нужно замѣтить, что Д. А. прибылъ въ Иркутскъ въ началѣ 1890 года, принявши уже отъ Отдѣла предложеніе: отправиться лѣтомъ этого года въ этнографическую экскурсію къ Забайкальскимъ бурятамъ.*) Въ засѣданіи Распорядительнаго Комитета, 6 марта 1890 г., Д. А. былъ внесенъ безъ избранія въ списокъ членовъ Отдѣла, и ему было предложено начать съ ближайшихъ же дней объясненія коллекцій музея, во время посѣщенія его публикою; въ то же время Д. А. долженъ былъ подготовляться къ бурятской этнографической экскурсіи. Въ засѣданіи Комитета, 17 апрѣля 1890 г., Д. А. заявилъ, что имъ выработана уже программа его будущихъ занятій, и что лѣто 1890 г. онъ намѣренъ

*) Д. А. Клеменць прибылъ въ Иркутскъ. вѣроятно, въ концѣ января 1890 г. такъ какъ въ засѣданіи Комитета 22 января 1890 г. была заслушана его телеграмма о скоромъ выѣздѣ Д. А. изъ Минусинска въ Иркутскъ. Въ засѣданіи этнографической секціи 27 февраля, онъ уже прочиталъ свой докладъ о сойотахъ

употребить только на предварительное ознакомленіе съ бытомъ бурятъ и съ бурятскимъ языкомъ и на приобрѣтеніе необходимыхъ знакомствъ съ выдающимися лицами изъ бурятскаго народа. Для этой цѣли онъ разсчитываетъ провести пока нѣсколько мѣсяцевъ среди хоринскихъ и селенгинскихъ бурятъ, не дѣлая большихъ развѣдокъ. Въ этомъ же засѣданіи Д. А. было предложено временно замѣстить должность правителя дѣлъ, въ виду предполагавшагося отъѣзда Г. Н. Потанина въ столицу. Выбранный временно правителемъ дѣлъ, Д. А. затѣмъ былъ утвержденъ въ этой должности на слѣдующее четырехлѣтіе общимъ собраніемъ членовъ Отдѣла въ концѣ 1890 года.

1-го іюня этого года общее собраніе членовъ Отдѣла выслушало докладъ Д. А. о задачахъ этнографическаго изслѣдованія бурятъ, а 10-го іюня Д. А. уже отправился за Байкаль.

Въ этомъ своемъ путешествіи Д. А. остановился сначала въ Селенгинскѣ, затѣмъ производилъ наблюденія въ Хоринскомъ вѣдомствѣ и конецъ іюля мѣсяца и начало августа провелъ на устьѣ р. Селенги среди кударинскихъ бурятъ.

Собранный имъ за это путешествіе матеріалъ заключался въ слѣдующемъ: были произведены антропометрическія измѣренія надъ 37 субъектами; записано нѣсколько десятковъ пословицъ, загадокъ, шаманскихъ молитвъ; собраны матеріалы для характеристики внѣшняго быта бурятъ, изъ архивовъ степныхъ думъ были извлечены свѣдѣнія объ историческомъ развитіи власти Бандидо-Хамбо-ламы и о поземельныхъ отношеніяхъ среди бурятъ. Однимъ изъ интересныхъ свѣдѣній, которыя удалось получить Д. А.,—это было извѣстіе о потомкахъ тангутовъ, переселившихся, вѣроятно, въ началѣ XVIII вѣка въ Забайкальскую область и слившихся затѣмъ съ бурятами, образовавъ особое небольшое племя Тангутъ-Харганатъ. Основываясь на своихъ наблюденіяхъ, Д. А. прочиталъ на общемъ собраніи членовъ Отдѣла, 16 ноября 1890 г. докладъ о свадебныхъ обрядахъ у бурятъ Хоринскаго вѣдомства.

Въ томъ же 1890 г. Д. А. Клеменцъ успѣлъ совершить поѣздку въ Минусинскій уѣздъ, гдѣ, по порученію Археологической Комиссіи, произвелъ раскопку могильника Чаатасъ. Главнѣйшія свѣдѣнія объ этой раскопкѣ были помѣщены Д. А. въ отчетѣ Отдѣла за 1890 годъ.

Такъ энергично началъ Д. А. свою дѣятельность въ Отдѣлѣ, и съ такою же энергіею продолжалъ ее и далѣе.

На лѣтнее время онъ обычно временно слагалъ съ себя обязанности правителя дѣлъ, отправляясь въ экспедиціи. Возвращаясь къ зимѣ, онъ принимался за разборку матеріаловъ, вывезенныхъ изъ экспедиціи, и въ то же время долженъ былъ обращаться къ перепискѣ Отдѣла, которой накоплялось, конечно, много, возобновлять свою личную ученую переписку, готовить матеріалы для годовой отчетности Отдѣла, готовиться къ докладамъ и т. д.

Въ этой сутолокѣ дѣлъ Д. А. Клеменць не могъ уже удѣлить достаточно времени для того, чтобы заняться научною разработкою добытыхъ собственными изслѣдованіями матеріаловъ. Приходила зима, и Д. А. долженъ былъ готовиться къ новой экспедиціи въ Монголію.

Лѣто 1891 г. Д. А. провелъ въ извѣстной Орхонской экспедиціи В. В. Радлова, лѣто какъ 1892 г. такъ и 1893 г.—въ самостоятельныхъ экспедиціяхъ по Монголіи, совершенныхъ по порученію Академіи Наукъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1893 г. Д. А. совершилъ, по порученію Отдѣла, поѣздку въ Якутскъ, чтобы на мѣстѣ организовать такъ называемую Сибиряковскую экспедицію.

Въ 1894 г. Д. А. покинулъ Иркутскъ, перебравшись въ Ургу, и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилъ свое непосредственное участіе, какъ правителя дѣлъ, въ работахъ Отдѣла.

27 марта 1894 года Распорядительный Комитетъ и члены Отдѣла, по поводу отъѣзда Д. А. Клеменца изъ Иркутска, устроили въ честь отъѣзжающаго прощальный обѣдъ. На этомъ скромномъ чествованіи, Д. А. былъ поднесенъ отъ Комитета подарокъ: золотые часы, съ соотвѣтствующею надписью. Предсѣдатель Отдѣла, В. П. Сукачевъ въ своей рѣчи на этомъ чествованіи сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Позволю себѣ выразить отъ мѣстнаго Отдѣла Географическаго Общества глубоко любимому и уважаемому Дмитрію Александровичу нашу искреннюю признательность за его высокоталантливую и полезную дѣятельность въ качествѣ правителя дѣлъ. Д. А. умѣлъ вносить во всѣ свои работы не только полное и всестороннее знаніе дѣла, но и образцовое умѣнье справляться съ нимъ и проводить его въ жизнь. Много потребовалось бы времени для перечня всѣхъ заслугъ Д. А. въ этомъ направленіи, да не за столомъ и мѣсто

такому перечню. Я не могу не вспомнить одной превосходнѣйшей работы Д. А.,—составленнаго имъ отчета о 40 лѣтней дѣятельности Отдѣла. Въ продолженіи двухъ часовъ я съ истиннымъ наслажденіемъ слушалъ чтеніе отчета и только отъ души пожалѣлъ, что оно такъ скоро окончилось. Въ исторіи дѣятельности нашего Отдѣла работы Д. А. оставили, несомнѣнно, глубокой слѣдъ, а въ связи съ его высоко-симпатичными чертами, какъ человѣка,—и въ нашихъ сердцахъ. И, питая къ Д. А. самыя теплыя и сердечныя чувства, мы навсегда сохранимъ о немъ самую лучшую память“ *).

Какъ правитель дѣлъ, Д. А. Клеменць представлялъ изъ себя, послѣ отъѣзда Г. Н. Потанина, центральное лицо въ Отдѣлѣ, руководя, поскольку это позволяли ему время и силы, всею дѣятельностью мѣстнаго единственнаго научнаго учрежденія.

Онъ съ чрезвычайною внимательностью и заботливостью относился къ мѣстнымъ научнымъ силамъ и, по возможности, старался, завязавши съ ними сношенія, не прерывать таковыхъ и не переставалъ слѣдить за успѣхами изученія Восточной Сибири вообще.

Въ этомъ смыслѣ, весьма показателенъ, на примѣръ, составленный Д. А. отчетъ о дѣятельности Отдѣла за 1891 годъ. Здѣсь приведены свѣдѣнія не только о тѣхъ научныхъ предпріятіяхъ, которыя были совершены по почину и на средства Отдѣла, но и о той научной работѣ отдѣльныхъ членовъ Отдѣла, которая была выполнена послѣдними на свои или постороннія для Отдѣла средства; вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же отчетъ Д. А. Клеменца даетъ и краткій очеркъ научныхъ предпріятій въ Восточной Сибири вообще.

Вслѣдствіе этого, отчетъ этотъ уже превращается въ небольшую, но цѣнную страницу культурной исторіи В. Сибири.

Съ такою же серьезностью къ дѣлу и взятой на себя задачѣ, Д. А. читалъ свои интересные доклады на общихъ собраніяхъ членовъ Отдѣла и на собраніяхъ его отдѣлений, и произносилъ свои рѣчи при торжественныхъ или, наоборотъ, скорбныхъ случаяхъ въ жизни Отдѣла.

*) См. «Восточное Обозрѣніе», 1894 г. № 40.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не указать и на большія организаторскія способности Д. А., и, быть можетъ, эти способности его нигдѣ не проявлялись такъ ярко, какъ въ организаціи извѣстной Сибиряковской экспедиціи.

По порученію Отдѣла, Д. А. Клеменць совершалъ двѣ экспедиціи: одну въ 1888 г. въ Ачинскій и Канскій округа Енисейской губерніи, другую въ 1890 г. въ Забайкальскую область для изученія быта бурятовъ.*) Остальныя экспедиціи за то время, когда Д. А. близко стоялъ къ дѣятельности Отдѣла, онъ совершалъ по порученію другихъ ученыхъ учреждений, главнымъ образомъ, Академіи Наукъ. Въ промежутки между поѣздками, Д. А. Клеменць не разъ выступалъ съ докладами и сообщеніями какъ на общихъ собраніяхъ Отдѣла, такъ и на засѣданіяхъ его отдѣленій. Всѣхъ докладовъ было прочитано Д. А. пять.

Въ засѣданіи отдѣленія этнографіи 27 февраля 1890 г. Д. А. прочелъ докладъ о сойотахъ. Въ этомъ своемъ докладѣ Д. А. познакомилъ публику съ сойотами долины верхняго Енисея. Изложивъ историческія свѣдѣнія, отмѣтивъ, у какихъ путешественниковъ можно что-либо найти о сойотахъ, докладчикъ далъ подробную характеристику этого народа и коснулся затѣмъ торговыхъ сношеній русскихъ съ сойотами.**)

На общемъ собраніи членовъ Отдѣла 1 іюня 1890 г. Д. А. прочелъ докладъ о задачахъ этнографическаго изслѣдованія бурятовъ.***)

Въ томъ же 1890 г., на общемъ собраніи членовъ Отдѣла 16 ноября, Д. А. прочелъ свой третій докладъ «о свадебныхъ обрядахъ у Забайкальскихъ бурятовъ», составленный имъ уже на основаніи личныхъ наблюденій, во время поѣздки въ Забайкальскую область. Докладъ этотъ былъ Д. А. написанъ, но, къ сожалѣнію, въ трудахъ Отдѣла онъ напечатанъ почему-то не былъ. Краткое изложеніе доклада помѣщено въ XXII-мъ томѣ „Извѣстій“ Отдѣла, № 1-мъ.

Въ слѣдующемъ 1891 г., въ засѣданіи отдѣленія этнографіи, 14 марта этого года, Д. А. прочиталъ свой докладъ „о дикихъ людяхъ Челюдеяхъ.“ Докладъ этотъ былъ вызванъ появленіемъ въ печати труда Д. Н. Анучина, представляющаго разборъ

*) О первой экспедиціи см. выше ст. В. А. Обручева.

**) Изложеніе доклада см. въ „Восточномъ Обзорѣнн“, 1890 г., №№ 10 и 11.

***) См. «Извѣстія» Отдѣла, т. XXI, № 2.

древне-русского сказанія «о челоѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной сторонѣ.» Въ этомъ интересномъ докладѣ, Д. А. расширилъ весьма значительно районъ, гдѣ можно встрѣтить этотъ миѡ. Изъ доклада оказалось, что и въ Вилюйскѣ встрѣчается преданіе объ одноногихъ людяхъ. И самимъ Клеменцомъ было записано въ южной части Енисейской губерніи сказаніе о походѣ царя Моготона за хребетъ и о встрѣчѣ его съ одноногимъ челоѣкомъ.*)

Въ засѣданіи отдѣленія физической географіи 19 марта 1892 г. Д. А. прочелъ докладъ: «Наши свѣдѣнія о минеральныхъ озерахъ Минусинскаго и Ачинскаго округовъ Енисейской губерніи».

На торжественномъ собраніи членовъ Отдѣла 17 ноября 1891 г., по случаю освященія новыхъ залъ музея, Д. А. Клеменць произнесъ блестящую рѣчь, въ которой далъ, въ умѣло сжатой формѣ, выразительный очеркъ сорокалѣтней дѣятельности Отдѣла. Въ заключительной своей части, эта рѣчь содержала въ себѣ бодрящій призывъ, обращенный къ мѣстнымъ скромнымъ дѣтелямъ науки.

— „Въ дальней Сибири“ сказалъ Д. А., сгруппировалась кучка людей для служенія отечеству на почвѣ науки. Маленькій кружокъ, съ маленькими средствами,—единственный центръ умственной жизни на всю необъятную Сибирь. Не смущаясь громадностью задачи, новое общество работаетъ, какъ умѣетъ, добрые люди, представители власти, столичные центры русской науки одобряютъ его, помогаютъ одинокому работнику. Проходитъ десятокъ лѣтъ, въ томъ-же Иркутскѣ основывается общество врачей, затѣмъ техническое общество. Потомъ возникаетъ у него товарищъ—Западно-Сибирскій Отдѣлъ. Скромна по прежнему работа Отдѣла, большинство членовъ его состоитъ не изъ присяжныхъ ученыхъ—спеціалистовъ, а только изъ образованныхъ людей, любящихъ науку; но положеніе его измѣняется. Онъ видитъ около себя уже товарищей, значитъ, на подобную работу есть запросъ, она нужна, есть и охотники на нее. Благодаря этому, необъятная работа изученія Сибири облегчается. Дальше, больше—на крайнемъ востокѣ основывается общество для изученія Амурскаго края, наконецъ, въ Томскѣ создается университетъ, рассадникъ будущихъ работниковъ и новый кон-

*) См. «Вост. Обзорніе», 1891 г. № 13.

тингентъ силъ, стоящихъ на высотѣ современной науки, явившихся сюда во имя ея. Раньше появленія университета начинается въ Сибири возникать новое явленіе, живой свидѣтель развитія умственныхъ силъ страны: въ разныхъ уединенныхъ уголкахъ Сибири обнаруживается потребность изученія окружающаго, проявляется потребность и желаніе хоть чѣмъ-нибудь, хоть трудомъ чернорабочаго, помочь изученію края. Въ Минусинскѣ, Семипалатинскѣ, Красноярскѣ, Нерчинскѣ, Енисейскѣ, Тобольскѣ, даже маленькомъ Ачинскѣ возникаютъ мѣстные музеи, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., минусинскій, тобольскій и нерчинскій, уже заявили о себѣ, какъ объ учрежденіяхъ, способныхъ работать для науки, заинтересовали собой ученый міръ.

Теперь мы имѣемъ много товарищей по работѣ въ Сибири. Задача, лежавшая прежде на одномъ нашемъ Отдѣлѣ, раздѣлилась и стала удобоисполнимѣе. Кромѣ того, ростъ мѣстныхъ ученыхъ и учебныхъ учреждений, возникшихъ исключительно при помощи мѣстныхъ силъ, ясно говоритъ и намъ—ваша работа нужна для страны; тамъ, гдѣ раньше были одинокіе, единичные дѣятели, куда рѣдко и проникало вліяніе Отдѣла, сами собою, въ силу потребностей жизни, создались очаги научной дѣятельности. Это доказываетъ намъ еще разъ, что, значитъ, мы служимъ дѣлу жизненному, что будущность Сибири обезпечена. Намъ, милостивые государи, стало-быть, остается итти тѣмъ путемъ, которымъ мы шли, свято чтить память нашихъ предшественниковъ и стараться быть достойными служителями вѣрннанаго намъ дѣла“.

Этотъ свой взглядъ на дѣятельность мѣстныхъ учреждений Д. А. не переставалъ проводить въ своей дѣятельности и какъ правителя дѣлъ Отдѣла и какъ публициста и сотрудника сибирскихъ газетъ. По дорогѣ изъ Монголіи въ Иркутскъ, 8 октября 1892 г. Д. А. не приминулъ прочесть въ Кяхтѣ публичную лекцію на тему: «мѣстные музеи и ихъ значеніе въ провинціальной жизни». Лекція эта произвела огромное впечатлѣніе на слушателей, и вызвала среди присутствовавшихъ на лекціи представителей г. Троицкосавска мысль приступить къ скорѣйшему же учрежденію въ этомъ городѣ музея.*)

Помимо докладовъ и лекцій, Д. А. сообщилъ о результатахъ своихъ ученыхъ наблюденій и изслѣдованій и на страни-

*) См. корресп. изъ Кяхты. Вост. Обзор. 1892 г. № 44.

цахъ „извѣстій“ Отдѣла. Имъ были напечатаны здѣсь слѣдующія работы: «Наговоры и примѣты у крестьянъ Минусинскаго округа. Матеріалы для изученія міросозерцанія сибирскаго сельскаго населенія» (Изв. 1888 г. томъ XIX, № 3); «Предварительныя свѣдѣнія объ экскурсіи въ Ачинскій и Канскій округа» (тамъ же, 1889 г., т. XX, № 1); „Новый путь изъ Минусинскаго округа на Бирюсинскіе золотые промысла“ (тамъ же, 1890 г., т. XXI, № 1.) «Нѣсколько образцовъ бубновъ Минусинскихъ инородцевъ» (Записки по этнографіи, 1890 г., т. II, вып. 2.); „Соленыя озера Минусинскаго и Ачинскаго округовъ и девонскія отложенія на верхнемъ Енисеѣ“ (Извѣстія, 1892 г., т. XXIII, № 3); «Замѣтка о Тюсяхъ» (тамъ же, 1892 г., т. XXIII, № 4—5); «Замѣтка о потухшихъ вулканахъ на Хангаѣ» (тамъ же, 1897 г., XXVIII, № 2.).

Перу же Д. А. принадлежатъ и рядъ рецензій, помѣщенныхъ въ «Извѣстіяхъ» Отдѣла за 1890 г.

Заканчивая свой бѣглый очеркъ о дѣятельности Д. А. Клеменца въ Вост. Сиб. Отдѣлѣ И. Р. Географическаго Общества, мы не можемъ не указать, что ближайшимъ помощникомъ Д. А. въ его научной дѣятельности и по работѣ въ отдѣлѣ была его жена, Елизавета Николаевна, состоявшая дѣйствительнымъ членомъ Отдѣла. Ея работы, на примѣръ, по разборкѣ и регистраціи гербарія музея оказали въ свое время большую услугу Отдѣлу.

Ниже печатаемая письма Д. А. Клеменца къ другимъ лицамъ и письма къ нему, извлеченныя нами изъ архива Отдѣла, съ достаточною полнотою, быть можетъ, обрисуютъ намъ обликъ этого замѣчательнаго человѣка въ ту пору его жизни, когда онъ такъ или иначе близко стоялъ къ работѣ Отдѣла.

Надѣмся, что письма эти дадутъ нѣкоторый матеріалъ и для біографіи Д. А. Клеменца и для исторіи Отдѣла. Считаемо не лишнимъ замѣтить здѣсь, что не на всѣхъ копіяхъ писемъ Д. А., которыя хранятся въ архивѣ Отдѣла, имѣются указанія адресатовъ. Послѣднихъ пришлось въ большинствѣ случаевъ опредѣлить намъ самимъ, руководствуясь обращеніями въ письмахъ и общимъ содержаніемъ послѣднихъ.

И. Серебрянниковъ.

Изъ учевой переписки Д. А. Клеменца.

Письмо Д. А. Клеменца къ Г. Н. Потанину.

Милостивый Государь,
Григорій Николаевичъ.

Предложеніе Ваше составить программу изслѣдованія бурятскаго народа въ религіозномъ и экономическомъ отношеніи повергло меня въ крайнее смущеніе: составить такую программу могъ бы только человѣкъ, уже предварительно знакомый съ предметомъ,—я же никогда бурятскимъ вопросомъ не занимался. Для изслѣдованія религіознаго міросозерцанія бурятъ необходимо основательное знакомство съ буддизмомъ и его сектами. Вопросъ этотъ имѣетъ обширнѣйшую литературу, съ которой я знакомъ менѣе, чѣмъ поверхностно. Первою мыслью моею было отказаться отъ предложенной мнѣ чести составить программу; но, одумавшись, я рѣшилъ, что не имѣю права этого дѣлать. Въ тѣхъ сложныхъ и интересныхъ вопросахъ, которые предоставляетъ себѣ изслѣдовать Восточно-Сибирскій Отдѣлъ среди бурятъ, легко можно, при самомъ тщательномъ отношеніи къ дѣлу, впасть въ нѣкоторую односторонность, просмотрѣть нѣкоторыя мелочи, которыя могутъ оказаться существенными. Въ такихъ случаяхъ иногда случайный намекъ диллетанта можетъ, если не указать что-либо спеціалисту, то вызвать его на мысль объ извѣстномъ вопросѣ и разсмотрѣть его съ новой точки зрѣнія. Вотъ, въ силу этихъ соображеній, я и осмѣливаюсь предложить на усмотрѣніе Восточно-Сибирскаго Отдѣла рядъ вопросовъ о бурятахъ, подсказанныхъ мнѣ моими наблюденіями надъ другими сибирскими кочевниками и обитателями долинъ Кемчика и Улукема, урянхайцами.

Начну съ вопросовъ, касающихся религіознаго быта бурятъ. Прежде всего изслѣдователь столкнется среди бурятъ съ двумя религіозными міросозерцаніями—древнимъ, шаманизмомъ, и но-

вымъ, буддизмомъ. Любопытно собрать свѣдѣнія о томъ, какъ уживаются между собою обѣ эти религіи. Какъ относятся ламы къ шаманамъ? Преслѣдуютъ ли ихъ? Какіе приемы употребляютъ ламы въ своей анти шаманской пропагандѣ? Есть нѣкоторыя указанія въ литературѣ, что вообще учителя буддизма относятся неблагоклонно къ представителямъ старой черной вѣры. Отрицательное отношеніе къ ней однако же не исключаетъ вліянія шаманства на буддизмъ. Въ высшей степени было бы важно поискать слѣдовъ обычаевъ и приемовъ шамановъ среди ламъ. Интересно также и обратное вліяніе, и вотъ одинъ изъ конкретныхъ случаевъ, гдѣ изслѣдователь, даже мало подготовленный къ дѣлу, можетъ найти указаніе на роль шамановъ и ламъ въ народѣ. Между ламами есть врачи, навѣрное, существуютъ и аптечки, подобныя тѣмъ, которыя существуютъ при куряхъ въ Монголіи. Въ какихъ случаяхъ буряты охотно прибѣгаютъ къ врачеванію хуврака и когда обращается къ шаману? Разговорившись съ инородцами на эту тему, можно добиться отъ нихъ любопытныхъ указаній. Съ точки зрѣнія взаимодѣйствія двухъ міросозерцаній, въ высшей степени интересны тюлогурь или бубны бурятскихъ шамановъ. Если на лопарскомъ бубнѣ мы находимъ изображеніе Св. Павла, то на бурятскомъ легко можемъ встрѣтить Арьябало. Изученіе шаманства у буряты уже начато: мы помнимъ интересную статью Агапитова и Хангалова объ этомъ предметѣ, но, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, какъ отнеслись къ ней наши знатоки сѣвера Азіи и воспользовались ли ей. Было бы очень жаль, если бы почтенные изслѣдователи остановились на этомъ первомъ опытѣ. Мы уже имѣемъ нѣкоторые весьма цѣнные матеріалы по изученію шаманства въ трудахъ изслѣдователей Сибири. Ознакомившись съ ними, изслѣдователь получитъ, кромѣ того, напутствованіе и инструкцію отъ Вася, а потому я и считаю излишнимъ распространяться объ этомъ вопросѣ.

Съ буддизмомъ дѣло гораздо сложнѣе. Путешественникъ долженъ будетъ представить описаніе по возможности всѣхъ кумиренъ и дацановъ Забайкалья, ознакомиться съ личнымъ составомъ хувраковъ, находящихся при нихъ. Нужно будетъ читать рукописи и собирать ихъ. Судя по грошлымъ примѣрамъ, трудно ожидать, чтобы въ Забайкальѣ открыты были возможно много новыхъ, неизвѣстныхъ ученымъ памятниковъ монгольской литературы и буддійской философіи, да и подобная задача сама

по себѣ настолько велика, что потребовала бы нѣсколькихъ лѣтъ; но необходимо ознакомиться съ обиходными книгами, которыя имѣются во всякой, самой бѣдной, курѣ. Любопытно было бы потолковать съ Забайкальскими ламами на счетъ винаи, узнать, насколько строго придерживаются они ея, и, если есть отступленія, то въ силу чего они допущены. Здѣсь представляется самъ собою вопросъ о вліяніи мѣстныхъ ламъ на населеніе и ихъ учителей изъ Монголіи. Важно знать, насколько великъ голосъ религіознаго учителя—ламы—въ дѣлахъ житейскихъ. Сами ламы считаютъ ли для себя высшимъ закономъ мѣстный народный обычай или считаютъ себя вправѣ нарушать его. Несомнѣнно, что лама всегда является въ спорныхъ случаяхъ истолкователемъ народнаго обычая.

Самый интересный вопросъ для насъ—вліяніе христіанской проповѣди на бурятъ. Въ этомъ отношеніи первый голосъ по праву долженъ бы былъ принадлежать миссіонерамъ; но однихъ миссіонерскихъ показаній недостаточно, и изслѣдователь сдѣлаетъ ошибку, если остановится только на нихъ. Ламы относятся отрицательно къ христіанской проповѣди, и ихъ отрицательное отношеніе передается всему народу; поэтому бурятъ, особенно некрещеный, долженъ держаться съ русскимъ священникомъ насторожѣ и врядъ ли будетъ откровененъ съ нимъ. Свѣтскій изслѣдователь будетъ, конечно, плохимъ судьей въ дѣлѣ оцѣнки успѣховъ христіанской проповѣди; за эту задачу ему и трудно взяться; но ему удобно будетъ отмѣтить факты вліянія христіанства на бурятъ вообще. Мы знаемъ, на примѣръ, что между нѣкоторыми мусульманскими народами чрезвычайно развито уваженіе къ Св. Николаю. Мнѣ самому между Енисейскими тюрками пришлось слышать легенду о Ноѣ праведномъ и другую, въ которой дѣйствующимъ лицомъ является Іисусъ Христосъ. Между бурятами также должно быть не мало подобныхъ легендъ. Немуудрено встрѣтить у нихъ и смѣсь буддійскихъ сказокъ съ христіанскими преданіями. Вообще интересно бы собрать поговорки, рассказы, анекдоты и пѣсни, въ которыхъ такъ или иначе замѣшано русское духовное лицо или вообще русской. Нельзя не сказать, что такая задача не изъ легкихъ. Буряты очень смысленный, но и недоувѣрчивый народъ. Они давно уже и очень зорко и подозрительно слѣдятъ за дѣятельностью русскихъ. Вспомнимъ тѣ старенькіе лоскуточки писаной бумаги, которые были въ Забайкальѣ подобраны нашимъ извѣстнымъ

монголистомъ, Позднѣвымъ—эти лоскутки оказались рукописной газеткой, въ которой бурятскія старшины и ламы извѣщались о дѣйствіяхъ иркутской администраціи.

Экономическое положеніе бурятъ для изслѣдователя представитъ не менѣе трудностей, чѣмъ изученіе ихъ религіознаго міросозерцанія. Экономическая сторона дѣла болѣе доступна наблюденію, у всѣхъ на виду, но это не уменьшаетъ трудностей. Изслѣдователь экономического или вообще земледѣльческаго положенія крестьянскаго населенія имѣетъ за собою цѣлый рядъ уже апробованныхъ схемъ изслѣдованія. Если ему придется, соображаясь съ мѣстными условіями и требованіями, выработать новый типъ изслѣдованія, то у него есть уже шаблоны и модели, по которымъ онъ можетъ создать новую варіацію. Ничего подобнаго относительно кочевого или полукоочевого населенія, каковы буряты, мы не имѣемъ. Въ общихъ чертахъ можно поставить вопросы, на которые желательно бы имѣть отвѣты, но при этомъ можно указать и путь и средства, которыми можно добиваться отвѣтовъ на эти вопросы. Для бурятъ, разумѣется, первый и самый главный вопросъ въ экономическомъ отношеніи—состояніе скотоводства и условія сбыта скота и его количество. Съ этимъ неизбежно вяжется и вопросъ о правахъ пользованія лугами и покосами, а также и стоимость искусственнаго орошенія; но какъ при изслѣдованіи крестьянскаго быта центръ тяжести лежитъ въ вопросѣ о доходности десятины земли, такъ точно главный пунктъ экономического изслѣдованія быта кочевниковъ вертится около доходности головъ скота разнаго наименованія. Къ этому главному пункту примыкаетъ изслѣдованіе доходности земледѣлія и иныхъ промысловъ. Возвращаясь снова къ вопросу о скотоводствѣ—здѣсь нельзя степень зажиточности кочевника мѣрить абсолютнымъ количествомъ головъ скота, какъ все равно благосостояніе сибирскаго крестьянина нельзя мѣрить количествомъ десятинъ земли, находящихся въ его распоряженіи. Владѣлецъ сотни головъ лошадей, урянхаецъ, сагай, качинецъ, алтайскій калмыкъ, а, вѣроятно, и буряты нерѣдко должны покупать себѣ верховую лошадь, потому что, при табунномъ скотоводствѣ, безпорядочномъ скрещиваніи и отсутствіи всякихъ попытокъ подбора, собственныя лошади,—ниже всякой критики и годятся только на мясо; но лошадь, какъ убойное животное, имѣетъ очень мало значенія экономического даже среди кочевниковъ-гиппофаговъ. Итакъ

кромѣ опредѣленія размѣровъ скотоводства, изслѣдователю придется заняться вопросомъ о сбытѣ его и о качествахъ самаго скота, дѣлающихъ его болѣе или менѣе пригоднымъ для окружающаго населенія.

Цѣль изслѣдованія, по моему—опредѣленіе бюджета средней бурятской семьи. Здѣсь придется разсмотрѣть, кромѣ казенныхъ податей и повинностей, а также содержанія хозяина юрты и его семьи, многіе чисто специфическіе расходы, наприм., требы религіозныя. Содержаніе дацановъ и числящихся при нихъ хувраковъ должно ложиться немалой тяжестью на мѣстное населеніе. Кромѣ подаяній и приношеній ламамъ и на украшеніе храмовъ, любопытно бы собрать свѣдѣнія, во что обходятся обыкновенныя житейскія требы буряту--ламаиту, стоимость свадьбы, похоронъ и т. д.

Важный вопросъ при опредѣленіи экономическаго состоянія полукочевого населенія заключается въ томъ, какія потребности населенія удовлетворяются домашними, мѣстными средствами, и какія требуютъ покупки товаровъ за деньги, или въ обмѣнъ за скоть и шкуры на сторонѣ. Наблюденія надъ урянхайцами показали, что привозъ русскихъ товаровъ, замѣна послѣдними самодѣльныхъ продуктовъ повели къ сильнымъ потрясеніямъ въ экономической жизни этого народа и разстроили его бюджетъ. Часть потребностей удовлетворяется теперь покупкою русскихъ товаровъ, стало-быть соотвѣтствующая часть народнаго труда, занятаго прежде производствомъ вещей, замѣненныхъ русскими товарами, освободилась. Если-бъ она ушла на производство вещей, нужныхъ для обмѣна русскимъ, бѣды бы никакой не было, но главные предметы обмѣна съ русскими, живой скоть и пушнина, не даютъ мѣста для болѣе усиленнаго приложенія труда. Увеличеніе количества скота, при кочевомъ, табунномъ скотоводствѣ, идетъ совершенно независимо отъ воли человѣка. Чтобы трудъ, приложенный къ этой отрасли, далъ какія нибудь новыя выгоды, нужно измѣнить нѣсколько характеръ самаго скотоводства; но это сопряжено съ ломкой быта, на которую кочевникъ, урянхаецъ, рѣшится нескоро. Буряты давно уже пережили острый періодъ ломки своихъ экономическихъ отношеній, возникшихъ, благодаря столкновенію съ русскими. Весьма интересно-бы прослѣдить, какъ приспособился онъ къ новому экономическому фактору въ его жизни, къ вліянію болѣе культурнаго народа. Даже мнѣ, человѣку, никогда не наблюдавшему

лично жизни бурятъ, изъ отрывочныхъ фактовъ и устныхъ сообщеній рисуется, что жизнь этихъ инородцевъ непрерывно измѣняется подъ вліяніемъ русскихъ. Какой характеръ носятъ эти измѣненія? Не вносимъ ли мы, вмѣсто положительныхъ благъ цивилизаціи, однѣ темныя стороны ея въ среду этого даровитаго племени—вотъ вопросъ, который настоятельно нужно обслѣдовать. Племя бурятъ—очень многочисленно и въ культурномъ отношеніи стоитъ выше другихъ инородцевъ Сибири. Буряты—ближайшіе родичи обитателей Монголіи. Не нужно быть пророкомъ, чтобы сказать, что въ будущемъ намъ придется стать въ болѣе тѣсныя и непосредственныя отношенія съ обитателями центрально-азиатскихъ степей. Относясь строго и критически къ нашей политикѣ въ бурятскомъ вопросѣ, мы избѣжимъ ошибокъ въ сношеніяхъ съ монголами. Имѣя на своей сторонѣ ихъ сородичей—бурятъ, мы образуемъ превосходныхъ агентовъ для проведенія и усиленія нашего вліянія въ Средней Азіи.

Типъ безхозяйственнаго бобыля, извѣстный среди крестьянскаго населенія Европейской Россіи, имѣетъ своего представителя и среди кочевниковъ. У киргизовъ бездомныхъ и безлошадныхъ нищихъ называютъ джатаками; какъ называется этотъ классъ у другихъ кочевниковъ, я не знаю, но существованіе его не подлежитъ сомнѣнію. Это пастухи и слуги у богатыхъ кочевниковъ. Иногда они уже въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній состоятъ на службѣ у богатыхъ инородцевъ. У урянхайцевъ чрезвычайно развитъ особый видъ кочевника—пролетарія, приживальщика у богатыхъ людей. Ютится онъ около юрты богатаго человѣка, прислуживаетъ ему, кормится крохами со стола, пока его не прогонятъ. Затѣмъ кліентъ пристраивается около другого патрона и вертится около него, пока не намозолить глаза самому хозяину и его домашнимъ. Среди урянхайцевъ развитъ также другой типъ полузависимыхъ людей, напоминающій половничество въ земледѣльческихъ странахъ. Богатый человѣкъ отдаетъ подъ присмотръ бѣдняку часть своихъ стадъ. Послѣдній пользуется за свой трудъ правомъ брать въ свою пользу молоко отъ дойныхъ коровъ, кобылицъ и овецъ, и обязанъ предоставить извѣстное, условленное количество масла своему хозяину. Проѣзжая по рѣкѣ Аласу, вы, встрѣчая стада, и спрашивая, чьи они,—неизмѣнно получаете отвѣтъ: Бай-Думтъкова. На Ишнемѣ точно также крупныя и хорошія стада принадлежатъ Онуарскому-Чжангѣ.

Подобный классъ джатаковъ, несомнѣнно, существуетъ и между бурятами. Любопытно бы знать, что онъ представляетъ собою. Много-ли ихъ? Предпочитаютъ ли они околачиваться около юртъ богачей или идутъ въ работники въ русскія деревни? Параллельно съ этимъ вопросомъ слѣдуетъ собрать свѣдѣнія и о задолженности бурятъ русскимъ. Интересно бы узнать высоту процента за ссуду между бурятами. Между минусинскими инородцами процентъ баснословно высокъ. Часто, напримѣръ, нищій инородецъ служитъ цѣлый годъ за то, что ему дадутъ лошадь, стоящую рублей десять, много пятнадцать.

Вѣроятно, при ближайшемъ знакомствѣ съ бурятами, можно было бы намѣтить еще цѣлый рядъ вопросовъ; но я, знающій народъ этотъ лишь по слухамъ, не считаю себя компетентнымъ вдаваться въ подробности. Восточно-Сибирскимъ Отдѣломъ были опубликованы программы для собиранія этнографическихъ свѣдѣній объ инородцахъ; ими, конечно, будетъ пользоваться изслѣдователь бурятъ, и повторять вопросы, намѣченные тамъ, было бы, по моему мнѣнію, неумѣстно.

Позволю себѣ въ заключеніе высказать нѣсколько соображеній по поводу предполагаемаго изученія бурятъ.

Обширность района изслѣдованія и поразительное несоответствіе матеріальныхъ средствъ съ размѣрами задачъ не дали возможности Восточно-Сибирскому Отдѣлу подвергнуть обстоятельному изслѣдованію ни одно изъ племенъ, населяющихъ Сибирь. Въ изданіяхъ Отдѣла мы имѣемъ массу цѣнныхъ этнографическихъ работъ, но ни одной полной. Нельзя-ли предложить теперь задачу—сосредоточить силы Отдѣла на изслѣдованіи бурятъ. Мнѣ, думаю, нѣтъ надобности распространяться о томъ, насколько важно изученіе этого племени для Восточной Сибири. Изъ письма Вашего можно заключить, что, кромѣ чисто научнаго интереса, изслѣдованіе бурятъ предполагаетъ дать матеріалъ для рѣшенія нѣкоторыхъ практическихъ вопросовъ. Въ такихъ случаяхъ требуется особая обстоятельность данныхъ и точность свѣдѣній.

Въ виду всего этого, мнѣ кажется, было-бы самымъ рациональнымъ методомъ дѣйствій образовать особый бурятскій комитетъ изъ секцій статистической и этнографической Отдѣла, поручивъ ему выработать программу изслѣдованія бурятъ. Комитету слѣдуетъ предоставить право приглашать въ свои засѣ-

данія лицъ, практически знакомыхъ съ бурятскимъ народомъ, и привлечь ихъ къ участию въ своихъ трудахъ. Комитетъ снесется съ лицами, извѣстными своими трудами по изученію Монгольскихъ племенъ, для испрошенія у нихъ надлежащихъ указаній въ работѣ. Въ библіотекѣ Отдѣла надо постараться сосредоточить относящуюся къ вопросу литературу. Интересно бы присоединить къ вышесказанной задачѣ и выработку программы антропологическихъ изслѣдованій бурятъ.

Вы отвѣтите мнѣ, и не безъ основанія, что я строю воздушные замки, собираюсь на небольшія средства, имѣющіяся въ распоряженіи Отдѣла, организовать изслѣдованіе, требующее многолѣтняго труда и, можетъ быть, совокупныхъ усилій нѣсколькихъ изслѣдователей; тогда какъ Отдѣлъ имѣетъ возможность устроить только небольшую экскурсію. На это я могу только представить перечень надеждъ и упованій но, какъ, кажется, не безплодныхъ. Я позволяю себѣ указать на слѣдующее: 1) Отзывчивость мѣстной сибирской публики и иркутской въ частности на научныя и общепользныя предпріятія уже не разъ засвидѣтельствовала себя блистательными примѣрами, 2) изслѣдованіе, подобное предполагаемому, не можетъ быть восполнено даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, безъ содѣйствія администраціи. Предполагая даже краткую экскурсію, Отдѣлъ, очевидно, разсчитываетъ, что мѣстная администрація и на этотъ разъ не откажетъ въ своемъ содѣйствіи научному предпріятію. Мнѣ кажется, не будетъ излишней смѣлостью предположить, что изслѣдованіе, имѣющее затронуть болѣе глубокіе вопросы жизни инородцевъ, предпріятое послѣ строгаго разсмотрѣнія дѣла компетентными людьми, изслѣдованіе, въ которомъ администрація сама поставитъ рядъ вопросовъ, вызоветъ и болѣе дѣятельное содѣйствіе съ ея стороны, 3) подобный трудъ даетъ изслѣдователю работу на несколько лѣтъ. Занявъ у него много времени, она вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ работнику возможность изучить дѣло, вложить, такъ сказать, въ него всѣ свои силы и способности. Выполнивъ его, человѣкъ будетъ знать, что онъ внесъ цѣнную лепту въ науку. Задавшись такой работой при содѣйствіи Отдѣла и лицъ, сочувствующихъ изученію положенія бурятъ, изслѣдователь, вѣроятно, найдетъ возможность устроиться такъ, что его жизнь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ будетъ главнымъ образомъ протекать въ близкомъ общеніи съ изучаемымъ народомъ. При такой обстановкѣ, заручившись довѣріемъ

населенія, собирая о немъ свѣдѣнія, интересуясь нуждами народа, помогая ему, оказывая мелкія услуги, работникъ науки добудетъ такія свѣдѣнія и данныя о народѣ, которыхъ не получить экспедиція съ многотысячнымъ бюджетомъ.

Въ заключеніе, два слова о моемъ предполагаемомъ участіи въ изслѣдованіи бурятъ. По многимъ соображеніямъ я считаю себя совершенно неподготовленнымъ къ подобному труду. Для выполнения его нуженъ человекъ, знающій разговорный монгольскій языкъ и владѣющій книжнымъ монгольскимъ языкомъ. Монгольскаго разговорнаго языка я не знаю совершенно. Съ книжнымъ знакомъ самоучкой и очень плохо. О буддизмѣ свѣдѣнія имѣю самыя поверхностныя. Мнѣ нужно было бы годъ упорнаго труда для того, чтобы подготовиться къ началу дѣла; но во всякомъ крупномъ научномъ предпріятіи всегда встрѣчается много черной, подготовительной, мелочной работы. Для выполнения такихъ второстепенныхъ работъ въ качествѣ чернорабочаго я, можетъ быть, былъ бы полезенъ Отдѣлу. Если моя археологическая экскурсія въ Забайкалье состоится то, хотя она неизбежно будетъ кратковременной, я, разумѣется, постараюсь исполнить обязанность путешественника по мѣрѣ своихъ силъ. Я буду собирать матеріалы и о странѣ и о народѣ, насколько позволятъ время и умѣнье, и никакія инсинуаціи, ни угрозы, ни клевета не заставятъ меня прятать собранныя свѣдѣнія отъ лицъ, могущихъ интересоваться ими; но, конечно, это будутъ отрывочныя, непровѣренныя данныя, которыя, подобно большинству моихъ предшествовавшихъ наблюденій, займутъ весьма скромное мѣсто въ ряду другихъ, болѣе обстоятельныхъ работъ.

Говоря объ изслѣдованіи религіознаго міросозерцанія бурятъ, я упустилъ изъ виду одну сторону дѣла, которая должна имѣть не маловажное значеніе: я ни слова не сказалъ о ламахъ, какъ учителяхъ и распространителяхъ грамотности въ народѣ.

Подобныя школы грамотности при кумирняхъ я встрѣчалъ въ Урянхайской землѣ. Тамъ обучались чтенію и письму будущіе хувраки. Любопытно бы собрать свѣдѣнія о способахъ преподаванія, методахъ обученія, времени, необходимомъ для полученія низшей степени духовнаго званія, а также и самыя учебники. Здѣсь интересна даже и такая мелочь, насколько распространены между бурятами рукописныя, насколько печатныя книжицы.

Вотъ нѣсколько соображеній по поводу Вашего письма объ изслѣдованіи бурятъ въ религіозномъ и экономическомъ отношеніи, которыя и считаю не лишнимъ довести до Вашего свѣдѣнія, многоуважаемый Григорій Николаевичъ. Въ случаѣ, если Вы найдете полезнымъ для дѣла, я уполномочиваю Васъ представить ихъ на усмотрѣніе Восточно-Сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

Прошу принять увѣренія въ отличномъ уваженіи Вашего покорнѣйшаго слуги. Дмитрій Клеменць.

Томскъ
7-го января
1889 годъ.

Николай Михайловичъ Мартьяновъ извѣстилъ меня, что имъ отправлена въ Восточно-Сибирскій Отдѣлъ моя коллекція растеній, собранная мною во время экспедиціи нынѣшняго года и просмотрѣнная г. Мартьяновымъ. Въ ней заключается 300 видовъ растеній, собранныхъ по обоимъ склонамъ Алатау, по берегамъ Чернаго и Бѣлаго Юссовъ и прилегающимъ степямъ. На растеніяхъ имѣются ярлычки. Видовыя опредѣленія сдѣланы Н. М. Мартьяновымъ, краткія указанія о мѣстонахожденіи даны мною, болѣе подробныя свѣдѣнія сообщены будутъ въ спискѣ этихъ растеній, котоый не замедлю представить. Прошу сообщить объ этомъ для свѣдѣнія Восточно-Сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

Вашъ Д. Клеменць.

И. М. Сибиряковъ.
Мойка, 99.
С.-Петербургъ.

Письмо И. М. Сибирякова къ Д. А. Клеменцу.

С.-П.-Б. 22 сентября 1892 года.

Многоуважаемый
Дмитрій Александровичъ.

Письмо отъ 10 августа я получилъ. Экспедицію для изслѣдованія и выясненія условій жизни инородцевъ Якутской области я задумалъ при моемъ пріѣздѣ въ Иркутскъ, года три тому назадъ, и высказался объ этомъ Г. Н. Потанину. Г. Н. указалъ мнѣ на А. В. Адрианова, которому и послали тогда же депешу. Экспедицію предполагалось послать отъ В. С. Отдѣла. А. В. Адриановъ, во время моего съ нимъ разговора по этому поводу въ Томскѣ, заявилъ свое полное сочувствіе этому дѣлу, но вмѣстѣ

съ тѣмъ указаль на свое назначеніе въ Минусинскій Округъ въ качествѣ акцизнаго надзирателя и сказалъ, что ежели означенное мѣсто за нимъ не останется, то онъ поѣдетъ, въ противномъ случаѣ уклоняется. Вскорѣ онъ телеграфироваль мнѣ, что назначенъ на мѣсто и ѣхать не можетъ. Кромѣ А. В., я въ то время никого не могъ имѣть въ виду, и г. Потанинъ мнѣ болѣе никого не указываль. Обратиться же прямо въ Отдѣлъ и представить все дѣло въ его распоряженіе находилъ неудобнымъ, въ виду отсутствія тамъ лицъ, которыхъ зналъ и которымъ бы довѣрялъ въ данномъ случаѣ; разумѣется, и въ виду сильной зависимости Отдѣла отъ административной власти.

Послѣднее въ особенности меня заставляло быть осторожнымъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, я въ разговорахъ съ Г. Н. Потанинымъ здѣсь и высказался насчетъ отправленія экспедиціи отъ лица центральнаго общества, полагая, что въ такомъ случаѣ она будетъ болѣе независима, какъ въ своей программѣ, такъ и въ своихъ дѣйствіяхъ. Г. Н. противъ этого ничего не возражалъ и указаль мнѣ на одно лицо.—фамиліи теперь не припомню,—кажется г. Еланина, въ Красноярскѣ, который хотя и согласился сначала, но вскорѣ отказался, т. к. получилъ какое то видное назначеніе. Тогда Г. Н. указаль на ботаника Кузнецова, который тоже былъ не прочь поѣхать, но его начальникъ, въ лицѣ директора Лѣснаго Департамента г. Лещева, рѣшительно этому воспротивился. Въ самое послѣднее время я уже хотѣлъ остановиться на г. Ивановскомъ, тоже указанномъ Г. Н. Потанинымъ, и заводилъ уже объ этомъ разговоръ съ П. П. Семеновымъ, который обѣщаль свое полное содѣйствіе. Съ Ивановскимъ я хотѣлъ встрѣтиться въ Москвѣ, но это мнѣ не удалось, и дѣло это стояло въ нѣсколько неопредѣленномъ положеніи, чему главнымъ образомъ способствовало то, что собственно ни въ комъ я не встрѣтилъ интереса къ этому дѣлу. Г. Н., конечно, сочувствовалъ этой экспедиціи, но, какъ всякій другой, главнымъ образомъ дѣйствовалъ въ смыслѣ формы экспедиціи, т. е. приглашенія и указанія лицъ, подходящихъ для этого дѣла.

Ваше письмо является для меня первымъ показателемъ, что существуетъ интересъ къ этому дѣлу, болѣе существенный и видный. Является уже интересъ къ самому содержанію и цѣ-

лямъ дѣла, а не только къ простому снаряженію. При такихъ условіяхъ, разумѣется, все значительно измѣняется, а въ томъ числѣ и мое намѣреніе послать экспедицію отъ центрального общества.

Мѣстными силами, конечно, очень желательно пользоваться, и я думаю, что онѣ найдутся и кромѣ тѣхъ, которыхъ Вы указываете въ Вашемъ письмѣ въ лицѣ г.г. Виташевского, Юхельсона, Пекарскаго, Іонова и др. Я думаю, что политическіе ссыльные, въ изобиліи посылаемые въ Якутскій край, представляютъ изъ себя какъ бы невольную экспедицію для изслѣдованія области, и нужно только умѣть воспользоваться ихъ наблюденіями.

Но *conditio sine qua non* для меня въ этомъ случаѣ—это существованіе лица, сочувствующаго дѣлу и умѣющаго его организовать. Такимъ лицомъ въ данномъ случаѣ являетесь Вы, и при такихъ условіяхъ я могу рѣшиться на осуществленіе предпріятія и отъ лица В. С. Отдѣла. Самый главный мотивъ, побудившій меня на отправленіе экспедиціи—это выясненіе экономическихъ условій жизни инородцевъ, окружающихъ и живущихъ въ приисковомъ районѣ Якутской области, желаніе нѣсколько отплатить сосѣдямъ за любезно уступленныя земли, когда-то бывшія въ ихъ полномъ распоряженіи. Поэтому мнѣ важно не только выясненіе всякаго рода неблагоприятныхъ условій жизни инородцевъ, но и послѣдствія такого рода выясненій, т. е. различнаго рода мѣры, клонящіяся къ улучшенію условій жизни инородцевъ, связанныхъ съ дѣятельностью золотопромышленниковъ. Разумѣется, я ничего не имѣю противъ употребленія силъ экспедиціи и на общія изслѣдованія среди инородцевъ, не имѣющихъ прямыхъ отношеній къ приискамъ. Мнѣ важно также, чтобы экспедиція, насколько возможно, выяснила историческій ходъ развитія жизни инородцевъ. Вымираютъ они, или, наоборотъ, нарождаются и совершенствуются. Вліяніе на то и другое русской культуры. Крайне важно выяснить экономическія условія жизни и различныя вліянія, ихъ обусловливающія. Выяснить состояніе образованія, положеніе школъ, положеніе народного здравія, продовольствіе, мѣры, принимаемыя для леченія эпидемическихъ болѣзней на людяхъ и скотѣ, въ частности, «проказы», поднятой пресловутою миссъ Кэтъ, состояніе земледѣлія, дорогъ, вліяніе заработковъ, имѣющихся на приискахъ, и

др., однимъ словомъ, всѣ стороны экономической жизни. Затѣмъ важно составить представленіе о типѣ народа, то есть якутовъ, тунгусовъ, и вслѣдствіе этого выясненіе всѣхъ другихъ сторонъ жизни, касающихся вѣрованій, обычаевъ, языка, антропометріи.

Вовсе не желательны были бы заключенія, клонящіяся къ тому, что, если инородцы вымираютъ и находятся въ жалкомъ состояніи, такъ этому такъ и быть должно, въ силу чисто расовыхъ особенностей жителей. Для выясненія характера народа — собираніе сказокъ, повѣрій, пословицъ, изслѣдованіе обычнаго права.

Конечно, это *ria desideria*; и, насколько все можно — выяснить, будетъ зависѣть отъ условій, при какихъ будетъ работать экспедиція. Но всякомъ случаѣ, все, что я выше указалъ, все это входитъ и въ Вашъ планъ, помѣщенный въ Вашемъ письмѣ, и моими замѣтками я попрошу Васъ воспользоваться лишь для усиленія той или другой «статьи».

Затѣмъ условія отправленія экспедиціи являются въ такомъ видѣ.

1) Экспедиція отправляется отъ В. С. Отдѣла Геогр. Общ. подъ руководствомъ и наблюденіемъ правителя дѣлъ, Д. А. Клеменца.

2) Цѣль — изслѣдованіе экономическихъ и другихъ условій жизни инородцевъ Якутской области, по программѣ, выработанной Отдѣломъ, на которую должно быть мое согласіе — съ той же, которая помѣщена въ Вашемъ письмѣ, я согласенъ.

3) Экспедиція отправляется на два или три года.

4) И. М. С. ассигнуется на первоначальные расходы т. р., а затѣмъ и остальные, независимо отъ времени работы, хотя не менѣе двухъ лѣтъ, 9 тысячъ рублей, а всего, слѣдовательно, ассигнуется 10 тысячъ рублей.

5) Выборъ лицъ, назначеніе имъ денежныхъ вознагражденій, въ томъ случаѣ, если это дѣлается, на все время экспедиціи — съ согласія И. М. С., — я же на выборъ тѣхъ лицъ, которыхъ указываете Вы въ Вашемъ письмѣ, согласенъ; и въ остальномъ буду согласенъ съ Вами.

6) Деньги вносятся въ Общ. не сразу, а въ назначенные сроки. смотря по времени, назначенному на экспедицію.

7) Коллекціи, собранныя во время работы, поступаютъ въ музей Геогр. Общ. въ Иркутскѣ, а, если оно пожелаетъ отдать

часть въ Томскій университетъ, то я противъ этого имѣть ничего не буду.

Въ этомъ смыслѣ Вы уже можете сдѣлать заявленіе въ Отдѣлъ отъ моего имени. Прочее же содержаніе письма я прошу Васъ Отдѣлу не сообщать, а принимать лишь, какъ желаніе мое ознакомить Васъ лично съ тѣми побужденіями, которыя мною руководили при мысли объ организаціи Якутской экспедиціи.

Желаніе Ваше поѣхать лично въ Якутскъ и тамъ организовать предпріятіе я сильно имѣю въ виду и думаю, что безъ этого дѣла не пойдетъ на ладъ. Полагаю, что до Витима поѣздки съ оказіей устроить возможно.

Очень радъ, что работа Ваша о присковскихъ рабочихъ можетъ быть подвинута, и вполне согласенъ съ Вами, что въ отношеніи знакомства съ жизнью, практикой дѣла, Вы находитесь въ болѣе выгодныхъ отношеніяхъ, чѣмъ В. И. Семевскій, и поэтому можете въ этомъ отношеніи болѣе выяснить, хотя и въ значительно суженномъ районѣ, въ виду того, что работа Ваша и наблюденія ограничиваются Енисейской губерніей. Появленіе Вашего труда крайне интересно и желательно. Переходъ В. О. въ Ваши руки, конечно, замѣтилъ и вполне представляю себѣ трудность работы при отсутствіи сотрудниковъ и необходимость съ одной стороны—обличать общественные не порядки, а съ другой—ладить съ общественнымъ порядкомъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ, преданный Вамъ И Сибиряковъ.

Письмо къ А. М. Зайцеву.

Многоуважаемый
Алексѣй Михайловичъ!

Благодарю Васъ за присылку Вашихъ работъ въ библиотеку и мнѣ лично. Думаю, что Вы не откажетесь, по примѣру предшествующихъ лѣтъ, сообщить намъ и о Вашихъ новыхъ работахъ и вообще о работахъ, производящихся по тракту будущей желѣзной дороги.

Съ большимъ удовольствіемъ и пользою прочелъ я Ваши статьи и статьи К. И. Богдановича; но мнѣ кажется, что онъ дѣлаетъ мнѣ упрекъ, не совсѣмъ основательный, за то, что я строеніе Минусинскаго округа представилъ въ болѣе простомъ

видѣ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Если-бъ я вздумалъ на докладѣ о соленыхъ озерахъ разбираться во второстепенныхъ явленіяхъ дислокаціи, у меня вышелъ-бы не докладъ, а книжища толще Горнаго Журнала. Статьи Богдановича и Яворскаго такъ-же страдаютъ схематизмомъ, но это явленіе неизбѣжное въ предварительныхъ отчетахъ. Они выходятъ всегда или донельзя сухи или, если сообщаютъ выводы, то не договорены.

Быль лѣтомъ въ Гоби между Хангаемъ и Алтаемъ, въ долинѣ озеръ. Въ видѣ новости могу сообщить Вамъ о громадномъ распространеніи лавы вдоль сѣверной окраины Гоби; но остатковъ типичныхъ вулкановъ тамъ нѣтъ. Все заставляетъ предполагать, что лава изливалась тамъ по трещинамъ. Относительно самой Гоби у меня цѣлый рядъ мыслей! Вся штука въ томъ, дастъ-ли мнѣ Академія возможность докончить изслѣдованія ея? Нужно будетъ ее перерѣзать мѣстахъ въ трехъ съ сѣвера на югъ и пройти, хоть одинъ участокъ, съ востока на западъ. Безъ изслѣдованія Гоби, не будетъ у насъ сколько-нибудь сноснаго описанія прошлаго большого материка.

Не дадите-ли чего нибудь для извѣстій Отдѣла? Напримѣръ, хотя замѣтки о строеніи Чулымской луки между Ачинскомъ и Назаровскимъ.

Поклонъ и привѣтъ всѣмъ, кто еще помнитъ меня.

Съ истиннымъ уваженіемъ Вашъ слуга
Дмитрій Клеменць.

Письмо къ П. Н. Крылову.

Многоуважаемый
Порфирій Никитичъ!

Помимо циркулярнаго письма, обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой по одному спеціальному, близко интересующему меня вопросу. Можетъ быть, Вы не откажетесь высказать свое мнѣніе, хотя бы въ общихъ чертахъ, въ формѣ частнаго письма.

Въ публикѣ сильно распространено мнѣніе, что въ древнія времена Минусинскій округъ въ степной своей части былъ значительно болѣе богатъ лѣсомъ. Я же, наперекоръ этому взгляду, полагаю, что въ существенныхъ чертахъ степь тамъ всегда оставалась степью, что большинство древнихъ могилъ были и тогда, какъ теперь, на степи. На нѣкоторыхъ могилахъ, по

опушкѣ тайги, растутъ лиственницы. Не есть ли это результатъ медленнаго надвиганія лѣсовъ на степи? Полагаю, что истребленіе лѣсовъ въ округѣ—явленіе сравнительно новое, и началось тамъ всего какихъ-нибудь лѣтъ полтора ста назадъ.

Вы теперь единственный ученый на земномъ шарѣ, который можетъ сказать вѣское слово по этому вопросу. Вы одни знакомы достаточно съ этой мѣстностью и по гербаріямъ и по личному наблюденію. Будьте добры сообщить Ваше мнѣніе о томъ, имѣются ли остатки лѣсной флоры на Абаканѣ, Тубѣ, Беѣ, Уйбату и Камыштѣ. Свидѣтельствуетъ ли флора этихъ мѣстъ о томъ, что лѣса здѣсь доходили хотя бы до средняго теченія этихъ рѣкъ?

Если Вы не откажетесь высказаться по этому поводу, то многу поспособствуете выясненію нѣкоторыхъ темныхъ культурно-историческихъ вопросовъ, и много обяжете глубоко преданнаго и уважающаго Васъ

Дмитрія Клеменца.

Письмо къ П. К. Яворскому.

Многоуважаемый

Петръ Казиміровичъ!

Съ глубокимъ вниманіемъ, захватывающимъ интересомъ штудировалъ я отчеты Ваши и К. И. Богдановича о Вашихъ работахъ и намѣренъ сдѣлать доклады о нихъ въ Отдѣлѣ. Сообщенныя Вами прошлогоднія свѣдѣнія цѣликомъ помѣщены въ отчетѣ за 1892 годъ, который теперь печатается. Лышу себя надеждой, что Вы и въ текущемъ году не откажете сообщить краткія свѣдѣнія о Вашихъ трудахъ.

Долженъ сознаться, что доводы К. И. не убѣдили меня на счетъ несостоятельности Абаканскаго завода. Ему кажется неудобнымъ устраивать курени по Анѣ и по Карасибѣ. Почему? Чѣмъ Ана или Карасибѣ хуже Джебаша, и много ли трудностей представить доставка угля оттуда до завода? Вершину Аны никто обрубать не будетъ, да и лѣса-то тамъ не Богъ знаетъ какъ много.

Отчего не устроить рубку и выжиганіе угля въ нижнемъ теченіи? Мнѣ кажется, всю мѣстность отъ завода до устья Ма-

лаго Абакана можно бы считать въ районѣ доступномъ для дѣйствія завода.

Мнѣ очень пріятно было слышать изъ устъ компетентнаго человѣка, горнаго инженера, что мѣдноплавильное дѣло имѣетъ будущность въ округѣ. Выше завода, по Абакану, есть также мѣдная руда, есть и въ самой заводской дачѣ.

Мнѣ всегда становится досадно, когда встрѣчаю ссылки на мою «книгу», изданную Западно-Сибирскимъ отдѣломъ: рукописи живого человѣка издали безъ его разрѣшенія. Ни просмотра, ни даже увѣдомленія о намѣреніи издать ихъ автору не было представлено. Я никогда не думалъ, что онѣ увидятъ свѣтъ. Это были просто списки коллекцій, посланные для консерватора музея, назначенные для того, чтобы помочь ему размѣстить товаръ по полкамъ.

Въ 1889 году Зайцевъ былъ свободенъ, и я, за невозможностью заняться этимъ самому, просилъ Отдѣлъ (западный) передать мои коллекціи 1883 года Алексѣю Михайловичу. Отдѣлъ прислалъ коллекціи 1884 года (вершины Абакана), а списковъ не прислалъ. Я просилъ Мартыанова послать мои дубликаты 83 года изъ музея—Мартыановъ отказалъ. Я и считалъ свою коллекцію 83 года завалывшейся гдѣ-нибудь въ Омскѣ. Она завалывалась, да не тамъ, а на чердакѣ у Адрианова, —я ему, какъ начальнику экспедиціи, передалъ весь матеріалъ. Вернувшись въ Минусинскъ на службу, А. В. преспокойно передалъ мои матеріалы Н. М. Мартыанову. Тотъ былъ настолько благороденъ, что передалъ ихъ въ мое распоряженіе. И теперь еще моя коллекція изъ Бирюсинской системы, гдѣ послѣ Гоффмана никого не бывало, не дошла до моихъ рукъ. Исписалъ горы бумаги, разыскивая ее. Не возилъ я ихъ съ собой просто по недостатку перевозочныхъ средствъ—Вы, вѣроятно, слышали, при какихъ условіяхъ мнѣ приходилось производить свои «научныя» экскурсіи.

Не знаю даже, будетъ ли когда у меня возможность собрать матеріалъ, а главное—взяться за него.

На дняхъ, вѣроятно, уѣду по дѣламъ Отдѣла въ Якутскъ, вернусь къ Рождеству.

Съ истиннымъ уваженіемъ Вашъ слуга Д. Клеменць.

Письмо Д. А. Клеменца къ С. І. Залѣсскому.

Многоуважаемый

Станиславъ Іосафатовичъ.

Смѣю надѣяться, что Вы, по примѣру предыдущихъ лѣтъ, не откажете подѣлиться съ Отдѣломъ результатами Вашихъ трудовъ; но у меня есть и еще просьба къ Вамъ: не составите-ли Вы программки—инструкціи для собиранія образцовъ минеральныхъ водъ и грязей. Разумѣется, по такимъ образцамъ нельзя будетъ получить многого; но все-таки кое-что узнать будетъ можно. Можетъ быть, Вы упомянули бы кстати и о простыхъ способахъ и реагентахъ, которыми нѣсколько грамотный человекъ могъ бы убѣдиться, въ присутствіи, напр., хотя бы желѣза или какихъ—либо другихъ цѣлебныхъ минеральныхъ веществъ въ водѣ. Вашу работу мы бы напечатали и даромъ стали разсылать ее. Составился-бы архивъ справочныхъ свѣдѣній о водахъ. Въ Забайкальѣ и вообще среди инородцевъ лечение минеральными водами—любимое. Свѣдѣнія доставлять будутъ. Вы единственный химикъ—бальнеологъ въ Сибири. Ваши изслѣдованія должны расти и расти. Литература о сибирскихъ водахъ, сами знаете, какъ бѣдна! Ради этого такъ мало обращаютъ вниманія на наши воды. Согласитесь съ тѣмъ, что было-бы интересно даже то, если-бъ мы могли черезъ нѣсколько лѣтъ издать просто каталогъ или списокъ источниковъ и озеръ цѣлебныхъ или считающихся цѣлебными. Масса такихъ источниковъ, м. б., убѣдила-бы правительство организовать систематическія изслѣдованія, химико-бальнеологическія. Тогда нашли бы достаточно широкое примѣненіе и Ваши знанія и Ваша неслабѣющая энергія. Частный вопросъ, если посланныя Вамъ книги Вы находите нужнымъ удержатъ у себя, не откажите написать нашему бібліотекарю, Николаю Петровичу Левину—книги такія-то и такія-то желалъ-бы продержатъ у себя для научныхъ работъ еще до такого-то времени.

Прошу принять увѣреніе въ отличномъ уваженіи Вашего слуги

Д. Клеменць.

Октября 6 1893 года.
№ 36.

Письмо къ А. В. Павлову.

Многоуважаемый

Александръ Владимировичъ!

Благодарю Васъ за Ваше любезное письмо и извиняюсь за задержку отвѣта. Ваше письмо уже не застало меня въ Иркутскѣ—я былъ въ Монголіи и недавно вернулся изъ поѣздки. Благодарю Васъ за лестное мнѣніе о моей работѣ, хотя теперь, послѣ трудовъ Богдановича и Яворовскаго, она является излишней. Богдановичъ совершенно справедливо упрекаетъ меня въ схематизмъ, въ желаніи представить дѣло проще, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; но не всѣ мы имѣемъ возможность обрабатывать свои материалы, какъ намъ хочется. Достаточно сказать, что письмо мое пишется между двумя поѣздками. Вернувшись изъ Монголіи, я долженъ по дѣламъ Отдѣла ѣхать на дняхъ въ Иркутскъ. Собственно говоря, секретарю провинціального ученаго Общества лучше всего отказаться отъ своихъ работъ и употреблять свой досугъ на то, чтобы давать работать другимъ.

Въ нынѣшнюю поѣздку въ Монголію я пересѣкъ съ сѣвера на югъ Хангай и ознакомился съ Гоби, хотя пока еще немного. По моему, самый любопытный результатъ этой поѣздки—материалы для изученія распространенія лавы въ Монголіи. На Хангаѣ, на примѣръ, изліянія ея были, вызваны не вулканическими а дислокаціонными процессами, образованіемъ трещинъ. И самая Гоби, если не придавать этому термину слишкомъ широкаго значенія, окажется рядомъ обсохшихъ внутреннихъ бассейновъ.

Въ дѣлѣ геологическаго изученія Сибири я главную надежду возлагаю на комиссію геологовъ для изслѣдованія Сибирскаго тракта, на геолога при Иркутскомъ горномъ управленіи и на Томскій университетъ. Мое личное участіе, по моей малой компетентности въ дѣлѣ, можетъ быть только меньше, чѣмъ третестепенное.

Съ весны я опять въ Монголію. Не знаю, почему ни одно ученое учрежденіе не воспользовалось моими поѣздками въ Монголію для посылки кого-либо изъ ученыхъ? Былъ бы у меня товарищъ «сытъ, и одѣтъ, и отъ темныя ночи приукрытъ». Со мной человекъ безъ особенныхъ требованій на удобства долженъ былъ бы имѣть, приѣхавъ въ Иркутскъ, въ карманѣ рублей пятьсотъ да на проѣздъ изъ Сибири отъ 150 до 200 р.

смотря по времени года, на всю командировку за глаза 1000 р., провель-бы три, четыре или пять мѣсяцевъ въ Монголіи и вернулся бы съ грудой матеріаловъ и исписанными книжками. Имѣль-бы онъ въ дорогѣ коня, верблюда и человѣка. Послѣ трехлѣтнихъ странствованій по Монголіи я тамъ въ достаточной степени дома.

Извините, что Вамъ до сихъ поръ не посланъ списокъ нашихъ изданій. Во избѣжаніе повторенія подобнаго казуса и замедленія отсылки высылаю наложеннымъ платежомъ, такъ какъ о безденежной пересылкѣ нужно входить въ переговоры съ Комитетомъ, а это затянетъ дѣло.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи Вашего слуги Д. Клеменць.

13 Октября 1893.
№ 40.

Письмо къ К. И. Богдановичу.

Многоуважаемый
Карлъ Ивановичъ!

Хотя я и обратился съ просьбой къ Петру Казиміровичу сообщить о ходѣ Вашихъ совмѣстныхъ занятій въ Енисейской губерніи, но Ваши труды настолько интересны, въ Вашихъ предварительныхъ отчетахъ столько поучительнаго, и, наконецъ, судя по плану работъ нынѣшняго года, Ваши маршруты касаются столь различныхъ мѣстностей, что я рѣшаюсь просить Васъ не отказать сообщить хотя-бы самыя краткія свѣдѣнія о результатахъ работъ Вашихъ. Енисейская губернія была до сихъ въ загоны, наконецъ-то ее охватилъ районъ систематическихъ изслѣдованій! Вы вѣроятно признаете, что и для нашего Отдѣла и для меня лично составляютъ громадный интересъ всякое извѣстіе о ходѣ геологическихъ изслѣдованій въ Енисейской губерніи. Я когда-то думалъ самъ заняться ей и, м. б., посвятить этому дѣлу всю жизнь, но обстоятельства сложились не такъ. Вѣроятно, весь собранный матеріалъ такъ и останется безъ дальнѣйшаго употребленія, но это отнюдь не значитъ, что я пересталъ интересоваться этой мѣстностью. Теперь послѣ Вашихъ работъ многое выяснилось для меня, и, вѣроятно, еще болѣе интереснаго представятъ Ваши наблюденія въ текущемъ году. Есть ли, напримѣръ, связь между Минусинской девонской

системой и девономъ Канскаго округа. Очень жаль, что по условіямъ Вашихъ работъ, Вамъ не пришлось сдѣлать полнаго пересѣченія Саянскаго нагорья. Тамъ, въ окаменѣлостяхъ Аласу, Вы нашли-бы, можетъ быть, опорные пункты для хронологіи мѣстности и для исторіи самихъ Саянъ. Мой матеріалъ, собранный въ этой мѣстности и отосланный отчасти въ Казанскій университетъ, отчасти въ Академію наукъ, я считаю безвозвратно погибшимъ. Окаменѣлости изъ этой мѣстности, гдѣ раньше ихъ никто не подозрѣвалъ, заслуживали-бы хоть упоминанія мимоходомъ, но я нигдѣ не слыхалъ ни о чемъ подобномъ.

Кстати упомяну о другомъ матеріалѣ,—въ селѣ Тырбышъ у г. Прейнъ валяется матеріалъ, собранный мною во время моей поѣздки на Бирюсинскіе пріиски. Если онъ можетъ на что-либо пригодиться Вамъ, то отдаю его въ полное Ваше распоряженіе. Понадобится, такъ могу послать Вамъ и свои дневники, рисунки, маршрутные съемки и т. д. Все равно я уже пять лѣтъ не могу самъ выручить своихъ коллекцій, а если-бы и выручилъ, имъ пришлось-бы лежать, пока удалось-бы до нихъ добраться.

Прошу принять увѣреніе въ полномъ уваженіи и преданности
Вашего слуги Д. Клеменць.

13 Октября 1893 года
№ 41.

Письмо къ И. Т. Савенкову.

Многоуважаемый

Иванъ Тимофеевичъ!

Мрачные слухи дошли до насъ въ Иркутскъ, что вы покидаете Красноярскъ. Если это вѣрно, то, думаю, не по своей охотѣ, такъ какъ нелегко оторваться отъ того мѣста, гдѣ столько времени уже работала Ваша мысль. Выразить сожалѣнія по этому поводу не буду, такъ какъ это бесплодно и, по правдѣ сказать, въ научной жизни Сибири мы такъ часто встречаемся съ подобнымъ явленіемъ, что пора и привыкнуть къ нему.

Начнется серьезное изслѣдованіе—глядишь, изслѣдователя утянетъ къ себѣ ненасытный Петербургъ, переведутъ его по службѣ, а работа—стопъ! Бываетъ, ухитряемся мы и сами дѣлать такъ, что изслѣдователю остается только бѣжать, бѣжать отъ нашего ученаго гостепріимства съ разбитыми надеждами, съ разстроеннымъ здоровьемъ. Душевно сожалѣю, что теперь уже закрылась лавочка, въ которой покойный Черскій торговалъ саль-

ными свѣчами, и съ нея нельзя уже снять фотографію для изданія Отдѣлу. Кстати о Черскомъ. Отдадимъ ему должное въ Отдѣлѣ хотя по смерти! Теперь составляется у насъ подпискою капиталъ на открытіе преміи имени И. Д. Черскаго при Отдѣлѣ за лучшія оригинальныя работы по естественно-историческому изученію Сибири. Мысль эта принадлежитъ вдовѣ покойнаго. Она отказалась отъ денегъ, собранныхъ для нея, въ пользу преміи, чтобы „молодые ученые, которые будутъ въ положеніи покойнаго Ивана Дементьевича, не остались безъ поддержки“; таковы были мысли этой достойной женщины.

Я знаю, что Вы любилч и уважали покойнаго; потомъ, думаю, и Вы согласитесь съ этимъ, что мы съ Вами многимъ обязаны покойному въ своемъ развитіи. Не примете-ли участіе, не соберете-ли что-нибудь между знакомыми на дѣло, которое свяжетъ имя покойнаго съ трудами всякаго выбивающагося изъ провинціальной глуши работника мысли. О вопросахъ, стоящихъ въ циркулярномъ письмѣ, я говорить не буду. Скажу только спасибо за прежнія письма, и, надѣюсь, откликнетесь Вы и теперь. Намъ надобно потолковать вотъ о чемъ, какъ намъ устроиться съ вопросомъ о Вашей работѣ, какъ быть съ деньгами на изданіе рисунковъ? Всѣ эти вопросы имѣютъ настоящее значеніе, разумѣется, только въ томъ случаѣ, если Вы покидаете службу въ Сибири. Если нѣтъ—время терпитъ, если да—я думаю, и Вамъ интересно будетъ какъ-нибудь привести къ концу мѣстный матеріалъ.

По вопросу о коллекціяхъ скажу, что москвичамъ не стоитъ давать ничего. Они варвары! Присылаютъ, напримѣръ, коллекціи съ конгресса и въ какомъ видѣ? Ужась! А замѣтите, Сукачевъ самъ просилъ Анучина и Ивановскаго поберечь ихъ, не жалѣть денегъ на укупорку. Сибирскія разстоянія тутъ не причемъ! Получаемъ-же мы цѣлыми стеклянные термометры, когда они по-людски укупорены. А тутъ тонкія костяныя украшенія изъ кабаньяго зуба затисканы въ одинъ ящикъ съ каменными топорами фунта по четыре вѣсомъ, и все переложено *бумажкой!*?

Буду надѣяться, что Вы дадите вѣсточку о себѣ и не забудете Сибири, когда изъ нея и уѣдете.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи
Вашею слуги Д. Клеменць.

18 октября
1893 года
№ 46.

Письмо къ И. А. Подгорбунскому.

Многоуважаемый,
Иннокентій Александровичъ!

Вы говорили мнѣ, что у Васъ имѣются наготовѣ два сообщенія—о тенгрияхъ и о буддизмѣ въ Тибетѣ. Въ высшей степени желательно было бы устроить общее собраніе на этой недѣлѣ. Если тема о тенгрияхъ нѣсколько спеціальна, то не «поставите» ли буддизмъ въ Тибетѣ? Извѣстите меня, когда Вамъ можно это будетъ сдѣлать. Я долженъ имѣть дня три въ запасъ для написанія и разсылки повѣстокъ о собраніи. Выбрать надобно только такой день, когда не будетъ спектакля, а то къ намъ никто не прійдетъ. На текущей недѣлѣ спектакли будутъ въ среду, въ четвергъ (бенефисный) и въ пятницу. Значить, въ нашемъ распоряженіи одна суббота! Не сообщите ли свѣдѣній о Вашихъ занятіяхъ (о словарѣ, о переводахъ, статьяхъ; о Вашихъ литографированныхъ лекціяхъ я, конечно, знаю) для помѣщенія въ годовомъ отчетѣ.

Что наша программа о брачныхъ обрядахъ у инородцевъ? Посидимте-ка вечеркомъ да и кончимъ ее. Надобно бы непременно сдѣлать это, чтобы разослать ихъ (программы) разнымъ лицамъ.

Съ глубокимъ уваженіемъ
Вашъ слуга Д. Клеменцъ.

30 октября
1893 года
№ 52.

Многоуважаемый,
Алексѣй Васильевичъ!*)

Общую радость возбудило въ нашемъ Обществѣ намѣреніе Вашего начальника открыть Амурскій Отдѣлъ Географическаго Общества. Само собой понятно, что мы готовы помочь Вашему добродѣлу не только присылкою книгъ, что мы обязаны сдѣлать, но и всѣмъ, чѣмъ можемъ мы служить Вамъ. Такъ какъ я полагаю, что Вы принимаете въ этомъ дѣлѣ не только служебное, но и сердечное участіе, то я и считаю своимъ долгомъ подѣлиться съ Вами нѣкоторыми соображеніями по ин-

*) Редакція не смогла опредѣлить, кому было адресовано настоящее письмо Д. А. Клеменца, но оно помѣщается здѣсь, въ виду значительнаго его интереса для исторіи Отдѣла.

тересующему Васъ дѣлу—результатами долгаго опыта изъ жизни нашего Отдѣла. Мысль Амурскаго Генераль-Губернатора превосходна, она восполняетъ замѣтный пробѣлъ въ научной жизни края. Имя и прошлое генерала Духовскаго ручаются за то, что дѣло у Васъ пойдетъ бодро и плодотворно. (Вашего Генераль-Губернатора я знаю по отзывамъ моихъ товарищей по Императорскому Московскому антропологическому Обществу, членомъ котораго я состою); но, начиная дѣло, не лишнее имѣть въ виду, что у него будутъ и худыя и добрыя времена. И въ нашихъ мѣстахъ тонъ жизни вообще много зависитъ отъ взглядовъ на то или другое явленіе начальника края, а въ отношеніи къ вопросамъ научнымъ въ особенности. Занятія наукой не служебная обязанность—«дѣлу время—наукѣ часъ», говорятъ наши чиновники, а, кромѣ чиновниковъ, на кого рассчитывать въ нашихъ краяхъ? Обращаетъ вниманіе Генераль-Губернаторъ на научное изслѣдованіе края,—дѣло двигается быстро, работа кипитъ. Вотъ Вамъ примѣры того, что можетъ сдѣлать для извѣстнаго дѣла начальникъ края въ Сибири. Когда въ 1879 году сгорѣлъ нашъ музей, Генераль-Губернаторъ Анучинъ собралъ въ теченіе года 50000 на постройку новаго зданія музея, въ которомъ работали и Вы.

Сгорѣлъ театръ въ Иркутскѣ въ 1890 году—стараніями Генераль-Губернатора собрано было на постройку новаго 100,000. Не всѣ начальники края смотрятъ на вещи одинаково, что, конечно, весьма естественно. Были такіе Генераль-Губернаторы, которые не прочь были помочь В. С. Отдѣлу, но особеннаго значенія ему не придавали; были и такіе, которые тяготились Отдѣломъ, считали его неумѣстной затѣей и самое большее—только терпѣли его. Такія перемѣны и переходы пагубны для ученаго общества: начатая работа прерывается, общество теряетъ сотрудниковъ, у остающихся опускаются руки. Большого труда стоитъ развить научную любознательность среди обитателей края, а затормозить, парализовать очень легко. Достаточно только игнорировать дѣло, и оно станетъ подсыхать, какъ растеніе безъ поливки. Не лишнее дѣло поэтому теперь-же, заранѣе, постараться обезпечить новому учрежденію нѣкоторую устойчивость, способность переживать трудные моменты жизни. Новый Отдѣлъ такое дѣло, результаты котораго дадутъ знать себя лишь черезъ десятки лѣтъ.

Первый вопросъ, хотя и не единственно важный—вопросъ о средствахъ. Въ этомъ отношеніи Географическіе Отдѣлы по-

ставлены въ весьма невыгодное положеніе. Правительственная субсидія дается намъ въ размѣрѣ 2-хъ тысячъ—это несообразно мало по сравненію съ возложенными на насъ задачами. Раіонъ нашихъ изслѣдованій—отъ границъ Китая до Ледовитаго океана; мы обязаны имѣть бібліотеку и людей, издавать свои «Извѣстія». Много-ли сдѣлаешь на такую сумму? Изслѣдованія наши должны стоять на высотѣ современныхъ научныхъ требованій, иначе они будутъ только компрометировать ученое общество, а требованія эти въ послѣднее время сильно возрасли по сравненію съ той эпохой, когда основывались, напр., нашъ или Кавказскій Отдѣлъ. Большая часть университетскихъ ученыхъ Обществъ получаютъ по 3000 р., а между тѣмъ задачи ихъ проще. У нихъ раіонъ—предѣлы округа, музей и бібліотеку даетъ университетъ. Экскурсіи по Россіи гораздо дешевле стоятъ, чѣмъ въ Сибири. Было-бы весьма желательно, чтобы хотя Вашему Отдѣлу дали 3000 въ годъ. Другая, важная статья дохода,—членскіе взносы, пока непостоянна. У насъ 230 членовъ, обложенныхъ 10 р. вносомъ, а мы въ смѣту вносимъ ежегодно отъ 1000 до 1200 и постоянно около сотни или двухъ не добираемъ. Каждое двадцатое посылаемъ разсылнаго за недоимками и всетаки не добираемъ. Особенно трудно съ иногородними. Писать бесполезно, прекращаемъ высылку извѣстій, и это не помогаетъ. Получаемъ мы рублей 300 доходовъ отъ специальныхъ капиталовъ, составившихся изъ пожертвованій, рублей 300 даетъ сборъ съ публичныхъ лекцій и чтеній, 600 рублей даетъ намъ городская дума за объясненіе коллекцій музея публикѣ, рублей 100 продажа нашихъ „Извѣстій“ и изданій, отдаемъ на вечера и собранія стулья—это даетъ рублей 40 въ годъ. Въ цѣломъ, стало быть, отъ 4400 до 5000 въ годъ. Теперь изложу Вамъ наши статьи расхода. 1400 рублей стоитъ намъ ежегодно отопленіе, освѣщеніе, содержаніе въ чистотѣ музея и двора, ремонтъ и наемъ двухъ сторожей по 20 р. въ мѣсяцъ жалованья. Вы видѣли нашъ музей—это роскошное эффектное зданіе; но я постоянно жалѣю о томъ, что не выстроили его попроче. Много хлопотъ, много ремонта, много издержекъ. 600 рублей мы ассигнуемъ на содержаніе и приращеніе музея. Изъ этой суммы главный расходъ, кромѣ покупки коллекцій, составляютъ изготовленіе мебели и содержаніе наемнаго препаратора; но на препаратора этихъ денегъ не хватаетъ. Приходится покрывать расходы подпиской. Со временемъ, когда у Васъ будетъ музей,

можно будетъ сообщить Вамъ рисунки дешевой и практичной мебели, придуманной нами; но теперь это только удлинитъ бы письмо. Ассигнуется ежегодно 600 рублей на изданіе «Извѣстій», пяти книгъ по 125 р. за каждую, но этихъ денегъ никогда не хватаетъ; приложите карту или чертежъ, и книга окажется стоимостью въ 200 рублей. 300 рублей идетъ у насъ ежегодно на покупку книгъ и выписку журналовъ. Благодаря разнообразности и обширности географической литературы, мы почти всѣ ихъ тратимъ на одни періодическія изданія. Названій 60 получаемъ путемъ обмѣна и названій 20 выписываемъ за деньги. Спеціальныя книги баснословно дороги, а при музеѣ обойтись безъ нихъ нельзя. Вотъ уже третій годъ хлопочу я, какъ бы выписать для Отдѣла сочиненіе Науманна о птицахъ и «The sacred books of the East»; но одно стоитъ 350, другое 250 р., а для насъ безъ нихъ работа не въ работу. На объясненія коллекцій публикѣ выходитъ по 20 р. въ мѣсяць. Мы держимся системы объясненій Московскаго политехническаго музея. вмѣсто перечня коллекцій, мы беремъ одну какую-нибудь группу предметовъ, готовимъ ее и затѣмъ платимъ по 5 р. объясняющему за 2 часа. Система бесплатныхъ объясненій не привилась. Нуженъ большой контингентъ объяснителей, какого въ Иркутскѣ не набрать. Большую часть бумагъ я составляю и переписываю самъ; на канцелярскіе расходы съ писцомъ выходитъ 250 рублей. Я получаю жалованья 600 рублей въ годъ, консерваторъ и онъ-же библиотекарь—350. На научныя предпріятія остается у насъ, такимъ образомъ, отъ 300 до 400 рублей въ годъ. Ни я ни консерваторъ не можемъ существовать на жалованье; мы беремъ постороннія работы, беремъ, какія попало. Сравниваютъ иногда положеніе Отдѣла съ положеніемъ мѣстнаго городского музея и спрашиваютъ: какъ-же эти музеи существуютъ на свои ничтожныя средства? Очень плохо существуютъ! На столько плохо, что если имъ не придетъ на помощь правительство—они замрутъ. Потому къ такимъ учрежденіямъ и требованія предъявляются другія. Что сдѣлали—то и ладно. Вамъ при началѣ дѣятельности прежде всего нужно имѣть въ виду вопросъ о средствахъ. Членскіе взносы, дающіе намъ тысячу, у Васъ, въ первое время, будутъ ничтожны, если не будете набирать кого попало, что при началѣ не совсѣмъ удобно, пока не составятся прочныя кадры. Расходы-же будутъ громадны. Кромѣ ежегодной субсидіи, необходимы средства на первоначальное обзаведеніе. Необходимо

при началѣ обезпечить хотя бы однимъ или двумя работниками Общество, которые тратили бы *все свое время на него*. Прежде всего нужно въ такомъ обширномъ районѣ, какъ Вашъ, завести всюду корреспондентовъ и поддерживать съ ними переписку. Живущій гдѣ-нибудь въ провинціальномъ захолустѣ работникъ, нуждается въ поддержкѣ. Переписка по научнымъ вопросамъ— это для него манна небесная. Не надобно скучать давать отвѣта на ихъ запросы, часто пустые и наивные. Мѣстные самоучки крайне самолюбивы, но только приласкайте такого человѣка—онъ сдѣлается незамѣнимымъ поставщикомъ матеріала. Разсылка программъ для изслѣдованія того или другого ряда научныхъ вопросовъ рѣдко ведетъ къ цѣли. Совсѣмъ иные результаты получаются, если Вы задаете каждому корреспонденту особые вопросы, приноровляясь къ его мѣсту жительства, индивидуальности и силамъ. Этотъ крестъ переписки несетъ на себѣ секретарь или правитель дѣлъ Общества. Всегда желательно имѣть на этомъ посту человѣка съ свободнымъ временемъ и обезпеченнаго службою въ Обществѣ. На жалованье консерватору и правителю дѣлъ въ провинціальномъ Обществѣ скупиться не слѣдуетъ. Занятый другой службой человѣкъ поневолѣ сведетъ отправленіе должности на составленіе протоколовъ, отчетовъ, подшивку бумагъ, отписки. Лучшими временами В. С. Отдѣла были тѣ, когда бывали лучшіе правители дѣлъ, какъ Сельскій, Усолецевъ, Потанинъ. У Васъ въ области есть нѣсколько лицъ, близко знакомыхъ съ нашимъ Отдѣломъ, на примѣръ, генераль Унтербергеръ, нашъ бывшій предсѣдатель, и во Владивостокѣ почтенный Ѳедоръ Ѳедоровичъ Буссе. Эти лица, а также и другія могутъ достаточно компетентно провѣрить мои указанія и дополнить ихъ.

Громаднымъ подспорьемъ для дѣятельности Отдѣловъ являются мѣстные музеи. Нѣкоторые смотрятъ на нихъ, какъ на конкурентовъ, но это взглядъ донельзя дикій. Районъ слишкомъ великъ, отдѣльныхъ корреспондентовъ мало. Только при мѣстныхъ музеяхъ можно собирать и уберегать мѣстные матеріалы. Особенно важно это теперь, когда наѣзжаетъ масса новыхъ лицъ въ Сибирь и стараются вывозить изъ нея сувениры. Судьба этихъ сувенировъ—валяться на письменныхъ столахъ и этажеркахъ любителей, и они пропадаютъ для науки безслѣдно. Около мѣстныхъ музеевъ группируются мѣстныя силы; это даетъ возможность собирать свѣдѣнія путемъ перепис-

ки съ отдаленными мѣстностями. При небольшихъ средствахъ,—эти музеи дають возможность собрать матеріалы о любопытной мѣстности, не посылая туда экскурсанта. У Васъ есть очень хорошенкій музей въ Нерчинскѣ. Явится надобность, и Кузнецовъ соберетъ Вамъ, что слѣдуетъ, напишетъ хорошій отчетъ за какіе-нибудь полторы сотни рублей.

Нуженъ необходимо мѣстный музей въ Троицкосавскѣ.

Тамъ собраны и матеріалы для этого. Хлопоталъ тамъ и я объ этомъ. Прочелъ тамъ публичную лекцію на тему о мѣстныхъ музеяхъ. Лекція понравилась настолько, что попросили сотню отдѣльныхъ оттисковъ въ Кяхту, но дѣло впередъ не двинулось благодаря опасеніямъ—хорошо то хорошо, да какъ посмотреть на это высшее начальство. Новая затѣя, какъ-бы то ни было,—страшно!!

Одного слова о желаніи Начальника края было-бы достаточно, чтобы двинуть дѣло. А Кяхта, при ея большихъ денежныхъ средствахъ, при связи съ Китаемъ, могла бы создать не только мѣстный, но и Монгольско-Китайскій музей, такой музей, которому стали-бы завидовать столицы. Надобно только разрѣшить, подбодрить, поощрить, дать понять, что такое дѣло встрѣтитъ сочувственный откликъ въ высшихъ мѣстныхъ сферахъ. Безъ этого инерція и отчасти скупость помѣшаютъ дѣлу. Жалко бросить каждому по тысячѣ рублей, которыхъ и истратить-то некуда, а будутъ отговариваться тѣмъ, что не знаемъ молъ, какъ отнесется къ этому начальство?

Раіонъ Вашего будущаго Отдѣла и нашего тѣсно соприкасаются; необходимо будетъ поддерживать намъ постоянныя сношенія: Забайкальская и Иркутская области лежатъ на нашихъ плечахъ и на Вашихъ. Что не подъ силу одному Отдѣлу, можно-бы поднять общими силами. Есть, на примѣръ, за Байкаломъ хорошій антропологъ Талько—Гринцевичъ. Мы даемъ ему кое какія пособія, но если-бы въ его изслѣдованіяхъ приняли участіе и Вы, можно бы облегчить и ускорить его работу.

Книги запакованы и посылаются Вамъ. Сочиненія Маака у насъ только и есть, что въ библіотекѣ,—это не наше изданіе. Кстати о книгахъ. Хорошо-бы обратиться въ Цензурный Комитетъ. Тамъ много валяется ихъ даромъ.

По обстоятельствамъ, мнѣ, вѣроятно, придется оставить службу въ Отдѣлѣ, а потому все, что я пишу объ отношеніяхъ нашихъ въ будущемъ—дѣло моего преемника.

Вы совсѣмъ забыли насъ, а мы Васъ часто вспоминаемъ. Вацлавъ Леопольдовичъ Сѣрошевскій и нашъ консерваторъ Левинъ просятъ передать Вамъ отъ нихъ поклоны. Не напишите ли страничку почтовой бумаги о результатахъ Вашего путешествія, для включенія въ очеркъ научной дѣятельности въ В. Сибири за 1893 годъ.

Прошу принять увѣренія въ совершенномъ уваженіи и преданности
Д. Клеменць.

29 октября 1893 г.
54.

Письмо къ Г. Н. Потанину.

Дорогой и многоуважаемый

Григорій Николаевич!

Грустная вѣсть о кончинѣ Александры Викторовны собрала членовъ Отдѣла, Вашихъ друзей и друзей покойной въ зданіе Отдѣла на панихиду. Отдавъ послѣдній долгъ, собравшіеся обмѣнивались между собою своими чувствами и мыслями по поводу горестнаго событія. Горько и обидно было намъ, что никто изъ насъ не можетъ лично раздѣлить Вашего горя, что въ трудную минуту Вы находитесь тамъ—далеко отъ тѣхъ лицъ, которыя всегда глубоко любили и уважали Васъ и Александру Викторовну. Вспомнилось намъ, какъ часто многіе изъ насъ находили привѣтъ, участіе и облегченіе въ трудныя времена среди Вашей семьи, и у насъ явилось желаніе, за невозможностью иначе раздѣлить Ваше горе, писать къ Вамъ. Горе Ваше настолько велико, что не допускаетъ мысли объ утѣшеніи.

У насъ одна забота, одна мольба къ Вамъ—берегите себя; одна надежда, что душевныя силы не оставятъ Васъ при этомъ испытаніи. Снова повторяемъ, берегите себя и для науки и для друзей, которымъ Вы такъ нужны и такъ дороги. Вы были душой нашего Отдѣла, Ваше имя было тѣсно связано со всякимъ добрымъ начинаніемъ у насъ. Вспомните, сколько горькихъ утратъ понесло наше маленькое провинціальное ученое общество; при всѣхъ этихъ потеряхъ невольно мысль останавливалась на

Васъ. У насъ есть еще другъ, любящій науку, любящій и наше Общество и страну, въ которой работаемъ мы.

Одно искреннее желаніе соединяетъ теперь, всѣхъ насъ знавшихъ Васъ и Александру Викторовну—желаніе видѣть Васъ возможно скорѣе въ Иркутскѣ, среди насъ.

Помните, что теперь, послѣ потери неизмѣннаго друга и товарища Вашихъ трудовъ, есть люди, есть друзья у Васъ, которымъ Вы близки и дороги, и мы никому-бы не желали уступить нашего друга. Пусть не оставляютъ теперь Васъ мужество и твердость, такъ долго и всегда служившія Вамъ, и, если сочувствіе и участіе друзей и товарищей можетъ хоть сколько-нибудь облегчить Ваше трудное положеніе, то можете быть твердо увѣрены, они всегда были и будутъ съ Вами.

Итакъ, до возможно скораго свиданія, дорогой и многоуважаемый Григорій Николаевичъ. Шлемъ привѣтъ и наши искреннія соболѣзнованія Вамъ и творимъ вѣчную память усопшей.

По порученію присутствовавшихъ на панихидѣ 27 октября товарищей, подписываемся за нихъ:

Предсѣдатель Отдѣла В. Сукачевъ.

Правитель Дѣлъ Д. Клеменць.

Письмо къ А. М. Зайцеву.

Многоуважаемый

Алексѣй Михайловичъ!

Очень благодаренъ Вамъ за сообщенія о Вашихъ работахъ, которыя будутъ цѣликомъ включены въ отчетъ.

Въ Сиб. Вѣстникѣ кто-то писалъ о Вашей экскурсіи въ Симоново въ 30 в. отъ Ачинска. Что новаго нашли тамъ? Напрасно Вы предполагаете возможность какихъ бы то ни было недоразумѣній между нами, особенно по поводу работы, за которую, кромѣ благодарности, ничѣмъ не могу отвѣтить Вамъ. Лопатину я писалъ при посылкѣ оттиска только по слѣдующимъ причинамъ: мы значительную часть дороги совершили съ нимъ вмѣстѣ по южно-енисейской тайгѣ; онъ ее хорошо зна-

еть и давалъ мнѣ кое-какія указанія. Посылая работу И. А. Лопатину, я хотѣлъ только напомнить ему, что не весь матеріалъ еще использованъ, и что явленія, на которыя онъ обращалъ мое вниманіе, не пропущены мною. Спасибо Вамъ за обѣщаніе сообщить дальнѣйшіе матеріалы, но если-бы Вы знали, какова каторжная должность секретаря провинціального Общества, особенно въ Иркутскѣ, гдѣ теперь такъ мало научныхъ работниковъ, Вы бы не подивились тому, что у меня залеживается матеріалъ. Давно обѣщаль я статью Реутовскому объ увальныхъ розсыпяхъ, собралъ литературу; но написалъ всего одну страницу. Заготовлено у меня для него статья о добычѣ золота въ Хангаѣ, въ Монголіи, но не могу дописать за недостаткомъ времени. Это, впрочемъ, на недѣлѣ кончу непременно. Завидую я тому, что Вамъ удастся повидаться съ геологами, изслѣдовавшими югъ Енисейской губерніи. Мнѣ о многемъ любопытно-бы поговорить съ ними! Мое положеніе теперь таково, что меня необходимость заставляетъ теперь заниматься. Какъ Вы думаете, чѣмъ?—Составлять инструкцію для изслѣдованія брачныхъ обрядовъ и обычаевъ Сибирскихъ инородцевъ. Вотъ Вамъ и геологія.

Надѣюсь, однако, скоро все это кончится—академія командировуетъ меня на два съ половиною года въ Монголію, уѣду, должно быть, въ февралѣ, до весны проживу въ Ургѣ, зиму 94—95 года, должно быть, въ Улясутаѣ, а 95—96 не знаю еще, гдѣ: въ Кобдо, а, можетъ быть, въ Хами или Турфанѣ, а затѣмъ, можетъ быть, и черезъ Томскъ въ Питеръ. Всѣ собранные матеріалы понемногу спроваживаю въ Академію, а потомъ, если буду живъ, займусь ими.

Оссовскаго по работамъ я достаточно знаю, написалъ бы къ нему, да не знаю имени и отчества. Въ качествѣ нашего сочлена не соблаговолите-ли попросить у него чего-нибудь для отчета о его работахъ. Что молчитъ Станиславъ Юсафатовичъ? Правда-ли, что онъ ѣдетъ лѣтомъ за Байкалъ? Это было-бы пріятно.

Поклонъ всѣмъ знакомымъ; съ искреннимъ уваженіемъ
Вашъ слуга Д. Клеменцъ.

Письмо къ А. В. Адрианову.

Многоуважаемый

Александръ Васильевич!

Объ экспедиціи Буйвида я слышалъ еще весною въ Кяхтѣ, думаю, что она уже гуляла нынѣ лѣтомъ. Буйвидъ—виннозаводчикъ и золотопромышленникъ и, главное, родственникъ архимилліонера Нѣмчинова. Деньги на экспедицію онъ всегда найдетъ, и можно пожалѣть только, что она попадетъ въ руки, не внушающія довѣрія. Въ качествѣ ученаго геолога и топографа, ею будетъ завѣдывать нѣкто г. Геллеръ. Если интересуетесь имъ, то можете навести справки въ геологическомъ кабинетѣ университета у Якова Антоновича Макерова, послѣдній съ нимъ сталкивался во время своихъ поѣздокъ на забайкальскіе прииски. Меня познакомили съ Геллеромъ въ Кяхтѣ прошлой весной, когда я собирался выѣзжать въ Монголію. Геллеръ, по словамъ его, уже 20 лѣтъ занимается геологіей, штудировалъ долго въ Россіи и заграницей. Онъ сообщалъ мнѣ, что намѣренъ создать геологическую карту Забайкалья въ 5-ти верстномъ масштабѣ, опредѣливъ предварительно микроскопически всѣ входящія въ составъ мѣстности горныя породы. Назвалъ себя специалистомъ по изученію горныхъ рудныхъ мѣсторожденій, по преимуществу золота, объявилъ, что когда выйдеть его трудъ—онъ совершенно ниспровергнетъ классификацію рудныхъ мѣсторожденій Гроддека. Золото, по его мнѣнію, стоитъ въ связи съ вулканическими процессами, и онъ даетъ новыя критеріи для открытія и розысковъ золота. Геллеръ былъ у меня съ визитомъ, обязанности хозяина не позволяли мнѣ сколько-нибудь рѣзко отнестись къ нему, но, потолковавъ немного, я всячески старался прекратить ученый разговоръ, который становился почти невыносимъ. Господинъ этотъ импонируетъ своей самоувѣренностью, и, такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ присутствовалъ челоуѣкъ, незнакомый съ геологіей, то онъ старался свою бесѣду безъ всякой надобности пересыпать по возможности наименѣе знакомыми для публики геологическими терминами.

Вотъ образчикъ нашей бесѣды и сужденій Геллера.

Геллеръ: Я вижу, что Забайкалье было сплошь покрыто ледниками.

Я:—интересно, въ чемъ вы видите слѣды ледниковъ.

Геллеръ—Вся пластика мѣстности доказываетъ это.

Я—Пластика Забайкалья, на мой взгляд, не носить на себѣ какого-либо оригинальнаго характера, она сходна съ Монгольской; какія особенности ея вы считаете произведеніемъ ледниковъ?

Г.—Общій видъ мѣстности.

Я—Васъ не смущаетъ отсутствіе ледниковыхъ отложеній? вѣдь ихъ здѣсь до сихъ поръ никто не видалъ.

Геллеръ.—А вотъ въ этомъ-то и задача. Нужно найти причину, объяснить, почему ледники здѣсь были, но отложеній ледниковаго лёсса не было.

Оставалось только смиренно умолкнуть.

Мой товарищъ по Отдѣлу, инженеръ—технологъ Янчуковскій, очень долго управлявшій Амурскими золотыми промыслами Верхне-Амурской К^о, сталкивавшійся съ Геллеромъ, вынесъ такія же впечатлѣнія изъ знакомства съ этимъ господиномъ. По моему, это одинъ изъ тѣхъ субъектовъ, которые способны пускать пыль въ глаза и примащиваться къ богатымъ людямъ, особенно къ золотопромышленникамъ, которые любятъ покровительствовать наукамъ и ждутъ отъ непризнанныхъ и невѣдомыхъ міру мыслителей—геологовъ открытія тайнъ нѣдръ земли.

До затѣй Геллера мнѣ не было бы никакого дѣла, если бы онъ своими фокусами и пышными обѣщаніями не испортилъ хорошаго дѣла. Благодаря связямъ съ крупными золотопромышленными компаніями, нашему члену Янчуковскому улыбалось предпріятіе—достать средства для продолженія изученія приисковъ, которое такъ хорошо было начато Макаровымъ и Обручевымъ. Но и программа изученій и результаты предполагались гораздо скромнѣе, открытія новыхъ путей въ наукѣ и техникѣ никто не обѣщаль. Предполагалось пригласить геолога изъ Петербурга, который и занялся-бы собираніемъ матеріаловъ. Разумѣется, такая программа не могла идти въ версту съ обѣщаніями геолога, уже 20 лѣтъ работающаго надъ извѣстнымъ вопросомъ и составившаго себѣ совершенно новый оригинальный взглядъ на дѣло. Пока Янчуковскій хлопоталь въ Иркутскѣ—Геллеръ устроился въ Кяхтѣ.

Вамъ, конечно, извѣстно уже о смерти Потаниной и о концѣ экспедиціи. Я со дня на день жду телеграммы о пріѣздѣ Потанина въ Кяхту, гдѣ будетъ онъ хоронить свою жену. Изъ писемъ Кашкарова, препаратора Потанина, видно, что не одна

болѣзнъ Александры Викторовны была причиною неудачи экспедиціи: захворалъ и попросился домой и препараторъ Потанина Кашкаровъ. Потанинъ думалъ довести больныхъ до Пекина, а самъ думалъ пуститься странствовать въ одиночку по южной Монголіи съ тѣмъ, чтобы къ концу срока пододвинуться къ Кяхтѣ. Похороны Кяхтинское купечество принимаетъ на свой счетъ.

Мнѣ, по всей вѣроятности, придется оставить службу въ Отдѣлѣ. Вотъ уже третій годъ, какъ я ѣзжу по порученіямъ Академіи въ Монголію каждое лѣто, но такія поѣздки, при моемъ служебномъ положеніи, приносятъ Академіи очень мало пользы и наносятъ ущербъ Отдѣлу, запускаются дѣла. Я былъ увѣренъ, что, пріѣхавъ, найду напечатанный отчетъ за прошлый годъ, но мнѣ приходится печатать его самому теперь. При ничтожныхъ средствахъ типографіи, печатаніе тянется съ убійственной медленностью. Переписка крайне запущена. Возвращаясь изъ экспедиціи, я долженъ садиться за дѣла Отдѣла, и въ то же время Академія требуетъ отчета; дѣлать то и другое понемножку—трудно. Секретарь здѣсь въ Иркутскѣ долженъ посвящать все свое время Отдѣлу, иначе выходятъ чистые курьезы—ревізійная комиссія, напр., съ мая мѣсяца до сихъ поръ не представила доклада своимъ довѣрителямъ, а она должна его представить черезъ двѣ недѣли. У насъ ревізіи не похожи на Ваши въ Обществѣ. Помимо несовмѣстимости службы секретаря съ экспедиціей въ Монголію, я нахожу нужнымъ и по личнымъ причинамъ устраниваться отъ дѣлъ. Опасенія, которыя я высказывалъ Вамъ въ своемъ отвѣтѣ на Ваше письмо, начинаютъ оправдываться. Генераль-Губернаторъ по старому крайне внимателенъ, любезенъ лично со мной, но предпріятія Отдѣла задерживаетъ. Сибиряковъ, на примѣръ, предложилъ Отдѣлу 10,000 на изслѣдованіе Якутской области съ тѣмъ, чтобы административную организаціонную часть работы я взялъ на себя. Надобно сказать, что теперь моментъ для изслѣдованія Якутовъ чрезвычайно благоприятный. Тамъ теперь пока проживаетъ много политическихъ ссыльныхъ, серьезно знакомыхъ съ языкомъ Якутовъ, ихъ обычаями, и людей образованныхъ. Цѣлый рядъ статей и такіе труды, какъ Якутско-русскій словарь, достаточно говорятъ сами за себя. Я думалъ, что, привлекая ихъ къ научнымъ работамъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствую и въ видахъ ад-

министраціи. Чего-же лучше, если люди, временно удаленные по неблагонадежности въ отдаленный край, останутся тамъ сверхъ срока на неопредѣленное время ради такого безобиднаго дѣла, какъ научныя изслѣдованія. Въ этомъ краѣ нѣтъ мѣста для какихъ-либо политическихъ агитацій, тамъ они никому вреда принести не могутъ, не могутъ и беспокоить собой правительство. Научныя занятія не такая вещь, за которую разъ взявшись, легко бросить. Наука привлекаетъ къ себѣ. Все это я изложилъ Покровителю Отдѣла. Онъ разрѣшилъ участвовать ссыльнымъ въ изслѣдованія, но на условіяхъ, при которыхъ самъ Отдѣлъ беретъ нѣкоторымъ образомъ подъ надзоръ; именно: всѣ рукописи этой экспедиціи, безразлично, какъ лицъ политически скомпрометированныхъ, такъ и совершенно благонадежныхъ (въ числѣ обозначенныхъ мною сотрудниковъ фигурируютъ секретарь областного Комитета и два исправника) подвергаются цензурѣ мѣстнаго Губернатора. Я, которому поручается руководство экспедиціей, обязанъ докладывать г. Губернатору о расходованіи суммъ.

Условія эти проникнуты глубокимъ, подозрительнымъ недовѣріемъ не ко мнѣ лично, а къ учрежденію. Надзоръ за лицами, участвующими въ экспедиціи, подлежитъ губернатору—объ этомъ ни слова, но дѣлать его цензоромъ научныхъ трудовъ, рукописей, нѣтъ основанія. Цензура ихъ въ слишкомъ хорошихъ рукахъ. За сорокъ лѣтъ существованія, Отдѣлъ не получилъ еще ни одного намека, ни одного замѣчанія на счетъ своихъ изданій—никто не можетъ его упрекнуть въ томъ, что онъ злоупотреблялъ свободой печатанія, предоставленной ему. Можетъ быть,—я, по крайней мѣрѣ, думаю такъ,—что г. Губернаторъ не могъ считать для себя неудобнымъ предложить иныя условія, когда экспедиція поручена мнѣ. Я предложилъ Комитету принять эти условія, но администраторомъ экспедиціи назначить лицо съ болѣе положительной репутаціей. Тогда условія измѣнятся сами собой. Академія наукъ предложила мнѣ ѣхать въ Монголію на два съ половиной года, для изслѣдованія сѣверо-западной Монголіи въ археологическомъ отношеніи. Это дастъ возможность не ограничиваться одними бѣглыми маршрутными работами, а взяться за болѣе подробное изслѣдованіе, остановиться на такихъ пунктахъ и областяхъ, гдѣ нѣтъ другихъ маршрутовъ. Я рассчитываю, что Потанинъ, вернувшись въ Иркутскъ, отдохнувъ и оправившись отъ удручающихъ его

впечатлѣній, не откажется лѣтомъ съѣздить въ Якутскъ и устроить тамъ дѣло. Въ случаѣ же, если онъ откажется отъ участія, В. С. Отдѣлу останется только передать эту экспедицію въ руки Общества, сознавшись, что сами мы устроить ее не въ силахъ.

По поводу моей поѣздки въ Монголію я имѣю сдѣлать предложеніе—не найдется-ли зоолога, который пожелалъ-бы поработать лѣто въ Монголіи. Я не имѣю возможности приглашать съ собой сотрудниковъ на свой счетъ, да если-бъ средства экспедиціи и позволяли, я обязанъ былъ-бы употребить ихъ на расширеніе прямо относящихся къ моимъ задачамъ изслѣдованій; но если-бъ какое нибудь учрежденіе или какой-нибудь ученый нашелъ-бы полезнымъ сдѣлать такую поѣздку, я бы устроилъ его весьма дешево. Какія издержки нужны будутъ на проѣздъ до Иркутска и обратно, я не берусь опредѣлить, но на самую поѣздку въ Монголію достаточно будетъ 600 рублей. За эти деньги экскурсанту я найду верблюда и человѣка, который будетъ ему служить, буду продовольствовать его. Экскурсантъ можетъ дѣлать боковыя экскурсіи отъ каравана. Нужно только, чтобы человѣкъ былъ уживчивый и способный выносить неприхотливую обстановку. Я думаю въ 1894 году пройти по рѣчкѣ Харухѣ, пересѣчь малыя Гоби по Аргуинъ-Голу и обойти по Б. Алтаю съ юга, затѣмъ подняться въ Хангай по Нарыну, осмотрѣть верхнее теченіе Хоиту-Тамира, пройти по Дзапхыну до Улясутая, а осенью походить къ сѣверу отъ него. Экскурсанта я изъ Улясутая переправлю въ Урянхайскую землю, тамъ его русскіе примутъ очень хорошо, и онъ можетъ вернуться по Енисею въ Минусинскъ, откуда, разумѣется, уже можетъ ѣхать, куда угодно. Экспедиція будетъ состоять изъ меня, моей жены и одного русскаго рабочаго. Если экспедиціи суждено будетъ состояться, я уѣду въ концѣ февраля въ Ургу, гдѣ буду ждать товарища до Мая. На указанныя выше средства болѣе одного верблюда для груза и коллекцій не общаю. Конечно, будетъ лошадь и сѣдло для путешественника. Для него же наймется особый человѣкъ.

Прошу принять увѣренія въ совершенномъ уваженіи и преданности Вашего слуги Д. Клеменць.

Въ Императорскую Академію наукъ.

Преисправляя въ Императорскую Академію наукъ свой дневникъ путешествія по Монголіи въ 1893 году, я уже тѣмъ самымъ нарушаю хронологическій порядокъ своихъ отчетовъ. Отчеты 1891-го и 92-го годовъ еще не посланы. Причина этого заключается въ томъ, что я самъ по себѣ, безъ особаго разрѣшенія, никогда не рѣшился бы представить Академіи наукъ одни голые дневники безъ предварительной обработки ихъ, сличенія собственныхъ наблюденій съ данными литературы о Монголіи и разбора свѣдѣній, касающихся теоретическихъ вопросовъ, затронутыхъ наблюденіями. Только послѣ письма академика Радлова, гдѣ онъ сообщилъ мнѣ, что Академія дозволяетъ мнѣ ограничиться на первое время предварительными отчетами и дневниками, рѣшаюсь я послать свой дорожный дневникъ. Онъ въ текущемъ году и велся мною съ тѣмъ расчетомъ, чтобы онъ могъ быть отправленъ, по перепискѣ его, на усмотрѣніе Академіи. За немногими исключеніями, текстъ дневника является въ томъ видѣ, какъ онъ установленъ былъ на мѣстѣ, во время путешествія. Все, болѣе или менѣе требующее провѣрки, предположенія и замѣтки, внесенныя карандашомъ во время самага пути, съ цѣлью остановиться на затронутыхъ вопросахъ, впоследствии не внесены въ текстъ дневника. Исключены изъ него также нѣкоторые матеріалы по своей громадкости, большому объему. Прошу поэтому не судить о количествѣ собранныхъ матеріаловъ по дневнику. Напримѣръ, геологическія наблюденія, которыя послѣ археологіи наиболѣе меня интересуютъ, по большой части заносились особо. Равнымъ образомъ я не рѣшался включить въ дневникъ записанную сказку, повѣрье или поговорку, загадку, такъ какъ, при несоблюденіи этого правила, работа была-бы до нельзя пестра. Заносились цѣликомъ только попутныя географическія данныя и наблюденія археологическія.

Считаю нужнымъ напомнить также здѣсь, что мною не включены сюда и метеорологическія наблюденія и опредѣленія высотъ, такъ какъ они до сихъ поръ еще не вычислены. Списки и коллекціи горныхъ породъ также будутъ высланы мною особо, черновики маршрутной съемки переданы будутъ мною подполковнику Щеглову для обработки. Фотографическихъ снимковъ я тоже пока

могу послать только часть, благодаря тому, что печатаніе ихъ идетъ зимою въ Иркутскѣ крайне медленно.

Изъ посылаемыхъ мною матеріаловъ и приложений къ отчету я останавлиюсь только на фотографіяхъ и на нѣкоторыхъ планахъ. Въ фотографіяхъ непременно должно броситься въ глаза отсутствіе типовъ населенія и сценъ. Я въ этомъ отношеніи былъ поставленъ въ весьма неблагопріятныя условія: сцены требуютъ моментальнаго аппарата, котораго у меня нѣтъ, что касается до типовъ, то я убѣдился, что для составленія коллекціи ихъ необходимо продолжительное пребываніе на какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ. Здѣсь только можно постепенно приучить къ себѣ людей и подобрать лицъ, не боящихся фотографіи. При такихъ же условіяхъ только и возможно приступить къ антропометрическимъ измѣреніямъ, безъ которыхъ и самое значеніе фотографіи типовъ умалется и не достигаетъ научныхъ цѣлей. Въ фотографіяхъ видовъ я не гнался за красотою мѣстности и смотрѣлъ на нихъ только какъ на наглядное дополненіе къ дневнику, и поэтому сопровождаю списокъ подробными описаніями. Изъ памятниковъ прошлаго Монголіи по своей многочисленности занимаютъ первое мѣсто такъ называемые керексуры или киргизскія могилы. Содержимое ихъ до сихъ поръ мало изучено. До сихъ поръ единственными остаются раскопки академика Радлова, но на востокѣ, въ Забайкальской области, никто за нихъ еще серьезно не принимался, и потому мы пока не имѣемъ права относить ихъ всѣ къ одной эпохѣ.

Распространеніе ихъ, изученіе разнообразныхъ формъ урешеній, по-моему, представляетъ предметъ высокаго интереса. Въ сложныхъ сочетаніяхъ керексуры представляютъ развитіе одного изъ древнѣйшихъ орнаментовъ—кружка съ точкой. Если допустить, что всѣ керексуры представляютъ памятники сравнительно поздней эпохи—они все-таки являются пережиткомъ глубокой, незапамятной старины. Устройство такихъ надгробныхъ памятниковъ, какъ керексуры, должно вести свое начало изъ той эпохи, когда человѣкъ обладалъ слабыми техническими познаніями. Чтобы почтить память покойника, скинъ насыпалъ высокій курганъ, ставилъ на немъ каменную бабу. Обитатель юга Сибири, въ эпоху бронзоваго вѣка, огораживалъ могилу высокими плитами, иногда, можетъ быть, выбивалъ на нихъ рисунки пунктиромъ, придавалъ плитѣ видъ сидящей фи-

гуры человѣка; или у строителей керексуровъ ничего не было подобнаго въ ихъ распоряженіи: нагромоздить кучу камней, изъ тѣхъ-же грубыхъ обломковъ скалъ настроить кружковъ съ точками или безъ точекъ, надѣлать изъ нихъ массу вычурныхъ, но грубо скомпокованныхъ узоровъ—вотъ средства, которыми располагалъ народъ—строитель керексуровъ. Эти сооруженія были бы по силамъ и представителю каменнаго вѣка, и отсюда ведутъ, вѣроятно, керексуры свое начало. Нужды нѣтъ въ томъ, если окажется, что всѣ керексуры будутъ памятниками сравнительной новой эпохи: у данной группы племенъ могъ сохраниться, ввидѣ пережитка, обычай, давно брошенный или даже существовавшій въ зачаточной формѣ у другихъ. Несомнѣнно, что самый древній способъ погребенія—бросаніе покойника на съѣденіе звѣрямъ, т. е. почти полное отсутствіе погребенія. Этотъ древній обычай практикуется у Монголовъ до сихъ поръ, а погребеніе въ могилахъ, въ землѣ,—обычай сравнительно новый,—является остаткомъ древности, онъ не употребляется теперь у обитателей Монголіи.

Первый ознакомилъ насъ съ внѣшними формами керексуровъ Г. Н. Потанинъ. Несмотря однако-же на собранный имъ значительный матеріалъ, мнѣ кажется, что дѣло требуетъ дальнѣйшей разработки. Мы не можемъ разсчитывать на сколько-нибудь обширныя раскопки въ Монголіи, да если бы таковыя и удалось организовать—прежде всего ихъ нужно было бы направить на освѣщеніе уже поставленнаго вопроса о тукюэскихъ и уйгурскихъ могилахъ, т. е. сосредоточить вниманіе на памятникахъ, имѣющихъ сравнительно ограниченное распространеніе въ Монголіи. Относительно керексуровъ мы поэтому пока должны ограничиться изученіемъ формъ ихъ и распредѣленіемъ ихъ по мѣстностямъ. Можно думать, что такое дѣйствительно существуетъ. Какъ ни мало еще изучены въ археологическомъ отношеніи Монголія и Сибирь, но мы можемъ теперь уже сказать, что нѣкоторыя формы имѣютъ опредѣленные раіоны. Въ Забайкальѣ встрѣчаются керексуры, но сложныхъ формъ нѣтъ. Нѣтъ ихъ и въ Урянхайской землѣ и въ Минусинскомъ округѣ. До сихъ поръ можно указать пока два раіона, богатыхъ сложными формами—это западная часть Большого Алтая и Хангай съ его предгоріями. На самомъ Хангаѣ замѣчается нѣкоторая разница по мѣстамъ, но на ней я пока настаивать не рѣшюсь. Отмѣчу только, что керексуровъ, подобныхъ видѣннымъ

мною на Тацаголѣ, до сихъ поръ не встрѣчено въ другихъ мѣстностяхъ. Нельзя предполагать, чтобы эти разныя формы не имѣли какого-нибудь значенія. Вѣроятно, если не всѣ, то нѣкоторыя комбинаціи имѣли нѣкоторое обрядовое или мѣстное значеніе. Въ этихъ соображеніяхъ я старался по возможности аккуратно снимать планы съ нихъ, разумѣется, не съ такою точностью, какая наблюдается при съемкѣ могилы, подлежащей раскопкѣ, но стараясь возможно ближе держаться подлинника. Все таки я недоволенъ большинствомъ своихъ плановъ, такъ какъ въ нихъ неизбѣжно допущена схематичность. Не имѣя возможности тратить время на болѣе тщательную съемку и вычерчиваніе плановъ всѣхъ встрѣчавшихся мнѣ новыхъ формъ керексуровъ, я рѣшилъ представить въ болѣе крупномъ масштабѣ одинъ изъ нихъ. На немъ яснѣе, чѣмъ на другихъ, видно, насколько груба и первобытна работа на керексурахъ: симметрическое расположеніе кружковъ, ихъ размѣры и форма нигдѣ не соблюдаются. Все дѣлалось кое-какъ, все стараніе было употреблено на то, чтобы украшеній было побольше, чтобы они производили впечатлѣніе своей массой, а не тщательнымъ выполненіемъ частей. Это указываетъ на крайнюю грубость вкуса. Труда при вооруженіи большихъ керексуровъ не жалѣли, но дѣло представляется такъ, что какъ будто при работѣ не было тщательнаго надзора. Кружки закладывались разной величины, правильность рядовъ, величина зубцовъ не наблюдалась. Какъ будто работа обозначена была цѣлой толпѣ въ самыхъ грубыхъ общихъ чертахъ, а выполненіе деталей предоставлено было усмотрѣнію cadaго изъ работающихъ. Нѣкоторые изъ керексуровъ, не столько снятыхъ мною, сколько изображенныхъ у Потанина, положительно наводятъ на мысль, что они какъ будто не докончены, другіе, напротивъ, какъ-бы указываютъ, что къ старымъ придѣлывались какія-то новыя украшенія.

Всѣ эти соображенія и заставили меня, въ числѣ приложений къ отчетному дневнику, помѣстить планы керексуровъ въ сравнительно большемъ масштабѣ; полагаю, что таковыя будутъ умѣстны въ работѣ, главнымъ образомъ посвященной археологическимъ вопросамъ. По недостаточности собраннаго матеріала, по невозможности сравнить имѣющійся съ аналогичными сооружениями въ другихъ мѣстностяхъ, я пока ограничиваюсь сдѣланными мною замѣчаніями.

Правитель дѣлъ В. С. Отдѣла Дмитрій Клеменць.

Въ Императорскую Академію Наукъ.

Прежде, нежели приступить, согласно указанію Его Превосходительства, академика Василія Васильевича Радлова, къ изложенію плана предстоящей экспедиціи въ Монголію, считаю долгомъ выразить Академіи мою глубокую признательность за разрѣшеніе мнѣ долговременной командировки. Полагаю, что такимъ образомъ я сумѣю болѣе производительно воспользоваться предоставляемымъ мнѣ случаемъ для научныхъ работъ, не тратить времени для переѣздовъ въ Иркутскъ и, сосредоточась на одномъ дѣлѣ, буду имѣть возможность пополнить свои свѣдѣнія объ изучаемой мною странѣ и народѣ, которыя я считаю крайне недостаточными.

Каковы должны быть задачи предстоящей экспедиціи? Я полагаю, что измѣненіе срока командировки имѣетъ ввиду не столько расширеніе программы ранѣ намѣченныхъ изслѣдованій, сколько болѣе обстоятельное выполненіе уже ранѣ опредѣленныхъ задачъ. Среди послѣднихъ первое и самое главное мѣсто занимаетъ археологическое изученіе страны и, главнымъ образомъ, собираніе памятниковъ руническаго письма и стоящихъ въ связи съ этими памятниками остатковъ старины. Не дѣйствуя наугадъ, мы должны, стало быть, обратить преимущественное вниманіе на тѣ мѣстности, гдѣ мы имѣемъ вѣроятность встрѣтить таковыя памятники. Изслѣдованія г. Потанина указываютъ намъ въ широкихъ приблизительныхъ размѣрахъ границы распространенія такихъ остатковъ древности—главнымъ образомъ Большой Алтай на югѣ и Сибирь на сѣверѣ. Границы на востокѣ и западѣ неопредѣленны. Окончательно неизвѣстно, далеко ли памятники эти заходятъ на востокъ и переходятъ-ли черезъ Б. Хинганъ. Въ русскихъ предѣлахъ памятники эти извѣстны въ бассейнѣ Амура по Онону и Аргуни. На западѣ могильные памятники входятъ въ предѣлы Семирѣчья и отличаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчательнымъ обиліемъ и разнообразіемъ. Такъ какъ, судя по сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, Академія Наукъ имѣетъ ввиду главнымъ образомъ сѣверъ и западъ Монголіи, то вопросъ о востокѣ мы оставимъ въ сторонѣ.

Если отбросить старыя предположенія на счетъ древнескиевскихъ письменъ въ Монголіи, идущія въ разрѣзъ со всѣми нашими свѣдѣніями, попытки американца Кемпбелля о древнеяпонскихъ письменахъ и принять во вниманіе все, что намъ до

сихъ поръ извѣстно о распространѣніи рунныхъ камней, керексуровъ, маяковъ и каменныхъ могилъ, то сама собой является мысль направить изслѣдованія въ мѣста, гдѣ можно предполагать распространѣніе турецкихъ племенъ. Разъ принявши такую отправную точку, мы уже не можемъ ограничить нашихъ поисковъ сѣвернымъ подножіемъ Б. Алтая, но должны осмотрѣть оба склона его. Это особенно важно для восточнаго продолженія Б. Алтая, о которомъ у насъ мало свѣдѣній. Дальнѣйшее движеніе на югъ и юго-востокъ черезъ Гоби или Алашань, по моему мнѣнію, не представляетъ большого археологическаго интереса. Русскія экспедиціи, странствовавшія тамъ въ послѣднее время, ничего не говорятъ объ археологическихъ памятникахъ. Встрѣченные г. Потанинымъ высокіе земляные курганы около Кукухото въ предпослѣднюю экспедицію (извѣстно мнѣ изъ устныхъ сообщеній путешественника), лежатъ слишкомъ далеко къ юго-востоку и, какъ бы любопытны они ни были, не могутъ войти въ раіонъ изслѣдованій, такъ какъ отняли бы много времени. Срокъ же путешествія предполагается два года съ нѣсколькими мѣсяцами. Главными раіонами должны поэтому явиться слѣдующіе пункты и мѣстности: 1) Западный Хангай, и прилегающіе или, лучше сказать, противолежащіе участки Большого Алтая. Хангай и правые притоки Селенги, выше Ханынъ-гола совершенно неизвѣстны въ археологическомъ отношеніи. Точно такъ-же Наринъ-голь, Байдарикъ, Дзапхынъ не осмотрѣны. Хотя г. Потанинъ утверждаетъ, что Дзапхынъ бѣденъ памятниками, но верхнее теченіе этой рѣки совершенно неизвѣстно. 2) Не меньшаго вниманія заслуживаетъ и мѣстность между меридіанами Улясутая и Кошагача. Онъ естественно раздѣляется на три участка: Урянхайская земля, гдѣ, несмотря на многократные поиски, свидѣтельствующіе о богатствѣ памятниковъ, до сихъ поръ еще появляются сообщенія о вновь находимыхъ писаныхъ камняхъ, раіонъ внутреннихъ озеръ въ Монголіи и сѣверо-восточныя долины Б. Алтая. 3) Югозападный склонъ Б. Алтая и долина Чернаго Иртыша. Здѣсь наиболѣе подробные дневники указываютъ намъ на обиліе археологическихъ остатковъ. 4) Послѣднимъ участкомъ, смежнымъ съ предыдущимъ, является Тарбагатай. Свѣдѣнія о немъ до сихъ поръ недостагочно полны, но данныя о руническихъ надписяхъ, о каменныхъ бабахъ, собранныя въ послѣднее время, заставляютъ обратить на него особое вниманіе. Не меньшій интересъ представляютъ и склоны восточнаго

Тянь-Шаня, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ Чжунгарская степь суживается и переходитъ въ небольшой заливъ, но противъ всякаго ожиданія путешественники наши не сообщаютъ намъ свѣдѣній объ остаткахъ старины въ этихъ мѣстностяхъ. Въ настоящую минуту я рѣшительно отказываюсь сказать, будетъ ли у меня черезъ два съ половиною года достаточно времени для отдѣльной экскурсіи въ эту мѣстность. Я и не вижу практической надобности въ рѣшеніи этого вопроса. Если, какъ предполагается, работа будетъ итти нормальнымъ порядкомъ, я буду находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Академіей Наукъ. Необходимо будетъ, кромѣ письменныхъ извѣщеній о ходѣ работъ, присылать отъ времени до времени накопляющійся матеріалъ коллекторскій. Смѣю надѣяться, что Императорская Академія Наукъ будетъ всегда имѣть возможность своими предписаніями заблаговременно направлять мои маршруты въ томъ случаѣ, если-бъ обозначенныя мною предположенія не совпали съ ея видами и намѣреніями. Было бы весьма желательно прослѣдить распространеніе археологическихъ памятниковъ изъ Тарбагатая въ русскій Туркестанъ или, точнѣе, въ сѣверную часть его, пробраться черезъ Кульджинскій оазисъ къ Вѣрному, осмотрѣть главнымъ образомъ окрестности озера Балхаша и, подвигаясь къ сѣверу, выйти въ Семипалатинскъ. Полагаю, что результатомъ этого плана можетъ явиться достаточный матеріалъ для изученія ляпидарныхъ надписей и приблизительная археологическая карта Монголіи, достаточно полное знакомство съ памятниками зодчества. Имѣющіяся уже данныя и тѣ, которыя будутъ собраны о путяхъ сообщенія и распредѣленія населенія въ настоящемъ и прошломъ, дадутъ матеріалъ о движеніи народовъ. При этомъ останется, конечно, пробѣлъ—цѣлая область: бассейнъ р. Тарима, но эти мѣста нечего и думать включать въ районъ изслѣдованій предполагаемой экспедиціи, по недостатку времени и средствъ. Эта мѣстность, равно какъ Памирь, Тяньшань и южный Туркестанъ, привлекали массу русскихъ путешественниковъ и иноземныхъ и будутъ привлекать въ будущемъ обиліемъ матеріала и разнообразіемъ природы. Мѣстные изслѣдователи изъ Ташкента могутъ выполнить эту задачу тораздо лучше моего. Говоря объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Монголіи, нельзя обойти молчаніемъ довольно странный фактъ: Сибирь, до широты Тюмени и сѣвернѣе, а въ Якутской области почти до полярнаго круга, даже до побережья

океана, полна остатками каменнаго вѣка, а между тѣмъ въ предѣлахъ средней Монголіи мы не знаемъ до сихъ поръ ни одной стоянки. Объяснятъ-ли этотъ фактъ одною невнимательностью путешественниковъ? Мнѣ кажется, никто изъ нихъ не заслужилъ подобнаго упрека. Отчего же въ Сибири на стоянки наталкивались такъ часто и мало заинтересованные этимъ люди, а въ Монголіи объ этомъ ничего не говорятъ лица, специально занятые археологіей. Мнѣ, напримѣръ, или г. Ядринцеву приходилось путешествовать по Монголіи послѣ того, какъ мы уже успѣли ознакомиться не по книгамъ только, а и по личному опыту съ хорошими стоянками каменнаго вѣка въ Сибири. Въ Урянхайской землѣ, напримѣръ, топографію которой я знаю довольно недурно, я не нашелъ нигдѣ каменныхъ орудій. Не находили тамъ ничего также ни Потанинъ, ни Адриановъ, ни Финляндскіе археологи. Съ памятниками мѣднаго и бронзоваго вѣковъ то же самое. Не слыхать о такихъ вещахъ въ Монголіи, не рассказываютъ тамъ о находкахъ въ такомъ обилии встрѣчающихся въ разныхъ мѣстностяхъ въ Сибири. Разумѣется, здѣсь играетъ крупную роль слабое развитіе хлѣбопашества, почти полное отсутствіе рыболовства; но вещи находятъ не только на низменныхъ мысахъ рѣкъ, около рыбацкихъ тоней и при перепахиваніи земли, а также и въ песчаныхъ барханахъ, обрывахъ рѣкъ, промоинахъ. Самый южный предѣлъ извѣстныхъ мнѣ находокъ бронзовыхъ орудій—сѣверная часть Урянхайской земли, но и тамъ всѣ найденныя и купленныя вещи извѣстны на перечетъ. На разысканіе каменныхъ предметовъ и бронзовыхъ я, какъ и въ предыдущія повѣдки, намѣренъ обратить особое вниманіе.

При продолжительномъ пребываніи въ Монголіи я рассчитываю посвятить нѣсколько болѣе времени этнографическимъ наблюденіямъ. При бѣглыхъ встрѣчахъ, постоянныхъ переѣздахъ такія наблюденія поневолѣ должны были носить отрывочный характеръ; при недостаточномъ знаніи языка, я считалъ невозможнымъ заняться собираніемъ памятниковъ народнаго творчества. Съ такими плохими переводчиками, какъ у насъ при путешествіяхъ, можно ввести въ записи цѣлый рядъ недоразумѣній. Работахъ этнографическаго характера я намѣренъ посвящать главнымъ образомъ зимнее время. Выбирая для зимовокъ центральные пункты вродѣ Урги, Улясутая, Кобдо, в.

всегда здѣсь скорѣе найду любопытнаго для меня человѣка, нежели на дорогѣ въ одинокомъ улусѣ. Зима собираетъ въ эти центры массу бѣдноты, стариковъ, которые кормятся около болѣе зажиточныхъ лицъ. За небольшіе подарки бѣднякъ скорѣе скажетъ и сдѣлаетъ и узнаетъ, что нужно. Главное вниманіе въ этихъ изслѣдованіяхъ я все таки думаю обратить на бытовья и хозяйственныя особенности населенія, юридическіе обычаи. Что касается до буддизма, то, путешествуя по Монголіи, нельзя игнорировать его, но изученіе его требуетъ такой предварительной подготовки и такого глубокаго изученія обширной литературы вопроса, которыми я не располагаю. Естественно-историческія наблюденія будутъ главнымъ образомъ сосредоточены на собираніи геологическихъ матеріаловъ и ботаническихъ коллекцій. По геологіи, прежде всего, интересно собрать матеріалы для выясненія строенія Хангая и Большого Алтая, равнымъ образомъ собрать данныя для сужденія объ исторіи Монгольскихъ степей, преимущественно Гоби. Самая западная часть, подлежащая изслѣдованію района—Тарбагатай и сѣверный Туркестанъ,—Джунгарская пустыня настолько обслѣдована специалистами, что матеріаль, собранный мной, самостоятельнаго значенія имѣть не будетъ, но данныя, собранныя относительно восточной части Большого Алтая, западнаго Хангая, Ханхухе и внутреннихъ водоемовъ, какъ Убса, Киргизъ-Дурганоръ и др., не будутъ лишними въ наукѣ. Само собою необходимо веденіе метеорологическихъ наблюденій, тѣмъ болѣе, что во время зимовокъ придется долго жить на одномъ мѣстѣ. При геологическихъ наблюденіяхъ въ странѣ, недостаточно освѣщенной топографически, безусловно необходимо веденіе хотя-бы маршрутно-глазomѣрной съемки; кромѣ того, при выборѣ путей я буду по возможности обходить уже существующіе маршруты г.г. Рафаилова, Пѣвцова, Орлова, Матусовскаго, Пржевальскаго. Обращаюсь къ сбору ботаническихъ коллекцій. Намъ придется въ Монголіи встрѣтить три весны, придется въ разныя времена года посѣщать сосѣднія мѣстности. При такихъ условіяхъ является возможность и профану собрать достаточный матеріаль. Думаю также, что въ этомъ отношеніи могутъ быть добыты и нѣкоторыя данныя по ботанической географіи.

Опыты мои съ дорожной фотографіей убѣдили меня, что хотя мои работы далеки отъ того изящества, которое мы при-

выкли видѣть въ работахъ профессиональныхъ фотографовъ и опытныхъ любителей, но они даютъ всетаки мало абсолютно неудовлетворительныхъ снимковъ и могутъ служить для нагляднаго ознакомленія съ мѣстностью. Полагаю, что и ихъ слѣдовало бы продолжать.

Относительно сбора зоологическихъ коллекцій я воздерживаюсь отъ какихъ-либо обѣщаній. Прошу при этомъ принять во вниманіе, что интересы зоолога въ путешествіи часто противоположны съ интересами геолога, археолога и ботаника. Какое-нибудь степное озеро можетъ заставить зоолога просидѣть на немъ нѣсколько дней, тогда какъ остальные могутъ покончить тамъ свои работы въ однѣ сутки. Если-бъ какое-либо ученое Общество нашло удобнымъ воспользоваться предполагаемой экспедиціей и послать при ней зоолога, то я постарался бы устроить его возможно удобно, освободивъ его отъ различныхъ дорожныхъ хлопотъ, и дешево. Думаю, что поѣздка на одно лѣто изъ Петербурга не обошлась бы дороже 1000 руб. Я считаю при этомъ 500 на проѣздъ до Монголіи и обратно; возможно имѣть въ дорогѣ одного верблюда, двухъ лошадей и человѣка на 4 мѣсяца. Экскурсантъ могъ-бы, иногда отставая и догоняя караванъ, пройти по нашему маршруту между Ургой и Улясу-таемъ, изъ Улясутая въ Урянхайскую землю и въ Минусинскъ. Все это возможно, конечно, при самыхъ умѣренныхъ требованіяхъ дорожнаго комфорта и при привычкѣ къ дорожнымъ трудностямъ. До Урги экскурсантъ долженъ добраться собственными средствами, но это и не трудно. Во всякомъ случаѣ, если этотъ планъ будетъ подлежать осуществленію, путешественникъ всегда будетъ имѣть возможность списаться со мной.

Приступаю теперь къ плану работъ на 1894-ый годъ. Въ текущемъ году въ В. С. Отдѣлѣ кончается срокъ трехлѣтней службы моей, предсѣдателя, и консерваторъ музея выходитъ въ отставку. При такой полной перемѣнѣ администраціи, принимая во вниманіе, что вмѣстѣ съ тѣмъ замѣщаются и пятеро членовъ Распорядительнаго Комитета, я не думаю окончательно раздѣлаться съ своими обязательствами къ Отдѣлу ранѣе конца марта мѣсяца и быть ранѣе половины апрѣля въ Ургѣ. Здѣсь я рассчитываю провести одинъ мѣсяць, чтобы снарядиться ко второй половинѣ мая. Экспедиція будетъ состоять изъ меня, моей жены, одного русскаго рабочаго, одного казака

и двухъ монголовъ. Лошади, верблюды, громоздкая кладь, припасы и инструменты будутъ заблаговременно отправлены на озеро Цагань-цегень-норъ и разстояніе между Ургой и этимъ урочищемъ будетъ пройденъ съ возможною поспѣшностью на китайскихъ почтовыхъ. Мѣстность эта уже была пройдена нѣсколько разъ, и останавливаться на ней нѣтъ достаточныхъ основаній. Съ Цагань-цегена я полагаю двинуться на рѣчку Харуху съ тѣмъ, чтобы пройти ее до вершины: нижнее теченіе этой рѣчки извѣстно, вершина также, но о среднемъ мы не имѣемъ понятія, между тѣмъ она лежитъ по сосѣдству съ старымъ Орхономъ, на ней существуетъ земледѣліе,—мѣстность во всякомъ случаѣ менѣе глухая, нежели та, по которой я прошелъ съ Онгина на Толу, но и въ послѣдней встрѣчаются археологическіе памятники. Сосѣдство съ Орхономъ заставляетъ обратить на нее вниманіе. Нужно будетъ боковыми развѣздами попытаться выяснить, нѣтъ-ли здѣсь какой связи съ Кукшинъ-Орхонскими памятниками. Въ геологическомъ отношеніи эта мѣстность еще болѣе любопытна—это будетъ пересѣченіе восточнаго продолженія той плоскости, по которой текутъ оба Орхона. Любопытно будетъ отыскать найденные г. Левинымъ третичные пласты и опредѣлить положеніе ихъ. Изъ устныхъ сообщеній г. Ледера, мнѣ извѣстно, что къ востоку отъ Харухи имѣются археологическіе памятники; ихъ нашелъ такъ-же г. Ядринцевъ между Ихи-Тохомъ-норъ и Харухой.

Съ вершинъ Харухи спустимся въ долину Онгина къ ставкѣ князя Саинъ-Ноина, вѣроятно, около 1-го іюня. Имѣя основаніе рассчитывать на доброе гостепріимство князя, я остановлюсь здѣсь на нѣсколько дней и сдѣлаю экскурсію въ вершины Онгина; затѣмъ спущусь до станціи Горица на Улясутайскомъ трактѣ и, по рѣчкѣ Аргуинъ-голь, пересѣку Гоби до Цаганъ-нора. Дальше будетъ нужно перейти черезъ Б. Алтай восточные Бага Богдо и пройти по южному его склону, если это будетъ возможно: мѣстность мало извѣстна—все будетъ зависѣть отъ того, есть ли здѣсь ручьи или колодцы. Въ противномъ случаѣ придется идти по сѣверной окраинѣ хребта по такъ наз. долинѣ озеръ и выйти къ устью р. Байдарикъ. Поднявшись по ней, выйдемъ къ одному изъ уртоновъ Улясутайскаго тракта Ологою, Угаю или Байдарикъ, смотря по тому, гдѣ будетъ удобнѣе попасть на вершины Хойту Тамира. По этой

рѣчкѣ мы спустимся до параллели кури Заинь Гегена. Здѣсь направленіе пути будетъ зависѣть отъ степени проходимости западнаго Хангая. Желательно съ Хойту Тамира пройти въ вершину Буянту и спуститься до кури Нарбанчжи-гегена и далѣе чрезъ ставку Дзасакту-хана, пересѣчь Большой Алтай. Мѣстность тутъ богаче ключами, нежели на востокѣ, и предоставитъ большій выборъ путей и варіацій маршрутовъ. Гдѣ мы выйдемъ на Баркульско-Улясутайскій трактъ, теперь сказать нельзя. Задача будетъ состоять въ томъ, чтобы держаться въ степи, медленно подвигаясь къ Улясутаю, минуя извѣстные маршруты, пока позволитъ погода. Какъ я распоряжусь зимовкой—еще не знаю. Во всякомъ случаѣ, зимовка въ Ургѣ представляетъ много преимуществъ. Проѣхать отъ Улясутая до Урги верхами на Китайскихъ почтовыхъ потребуетъ времени не болѣе 10 дней. Столько же потребуетъ и обратный путь въ мартѣ 1895 го года. Лѣто 1895 г. я употреблю на осмотръ мѣстности большихъ озеръ, Урянхайской земли и сѣверныхъ склоновъ Большого Алтая. Если позволитъ время, осенью осмотрю систему Чернаго Иртыша и прозимую въ Кобдо. Весною 1896 года я буду спѣшить въ Тарбагатай. Осмотрѣвъ его, я переберусь чрезъ Кульджу въ Вѣрный и постараюсь, списавшись съ Семипалатинскомъ, доѣхать до ближайшихъ станцій желѣзной дороги на парходѣ.

Коллекціи и матеріалы я буду по возможности пересылать по частямъ почтою чрезъ Ургу, Минусинскъ и Чугучакъ. Оставлять до зимы буду только черченіе плановъ и какіе-нибудь отдѣльные вопросы, которые могутъ послужить матеріаломъ для отдѣльныхъ сообщеній. Фотографическія пластинки буду пересылать непроявленными. Дневники, если этого потребуетъ Академія, могу высылать въ опредѣленные сроки, оставляя у себя копии, снятыя копировальнымъ прессомъ. Кромѣ соображеній чисто археологическаго характера, мною при составленіи этого плана: руководило слѣдующее: возможность проводить зимы среди кореннаго Халхасскаго населенія и вообще среди тѣхъ мѣстностей, гдѣ господствуетъ монгольская рѣчь. Проживаніе среди народностей, говорящихъ турецкимъ языкомъ, не дастъ мнѣ возможности собрать что-либо цѣнное для этнографіи, такъ какъ тамъ уже работало много спеціалистовъ дѣла. Среди же монголовъ несомнѣнно представляютъ наибольшій интересъ Халхасцы, какъ наиболѣе культурные.

Хотя планъ мой имѣеть ввиду главнымъ образомъ интересы археологій, главнымъ образомъ собираніе матеріаловъ для составленія археологической карты, но я думаю также, что и другія, второстепенныя задачи не забыты при этомъ. Два новыхъ пересѣченія Хангая должны дать достаточный матеріалъ для сужденія о геологическомъ строеніи этой мѣстности, малоизвѣстной до сихъ поръ. Восточное продолженіе Б. Алтая такъ-же малоизвѣстно. Начерченные на нашихъ картахъ хребты, составляющіе большой Алтай, раздѣленные широкими долинами, сами собой наводятъ на мысли объ уступахъ, сдвигахъ и складкахъ, о болѣе новыхъ отложеніяхъ, заполняющихъ трещины и складки. Внутренніе озерные бассейны Монголіи, раздѣленные другъ отъ друга невысокими хребтами, такъ-же представляютъ большой интересъ, но матеріалъ по этой мѣстности пока имѣется только у двоихъ изслѣдователей: Пѣвцова и Потанина. Въ ботаническомъ отношеніи, я думаю, не можетъ не представлять интереса новый, дополнительный матеріалъ о флорѣ обоихъ склоновъ Алтая, собранный на пространствѣ между восточными его отпрысками и Тарбагатаемъ. Долженъ сознаться, что, сравнивая изложенный мною планъ съ запасомъ моихъ силъ, я чувствую невольную робость и заранѣе прошу снисхожденія за выполненіе его. Я не рассчитываю дать что-либо, кромѣ матеріаловъ для рѣшенія вопросовъ и посильныхъ комментариевъ къ трудамъ моихъ почтенныхъ предшественниковъ и, заканчивая свое изложеніе, еще разъ почтительнѣйше прошу Императорскую Академію Наукъ не оставить меня своими совѣтами, указаніями и нравственной поддержкой въ столь трудномъ дѣлѣ.

Правитель дѣлъ В. С. Отдѣла
Дмитрій Клеменць.

1894 г.
Марта 7-го дни.
№ 1.

Письмо къ В. Н. Скрипицыну.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь,
Владимиръ Николаевичъ!

Спѣшу увѣдомить Васъ о положеніи вопроса объ экспедиціи для изслѣдованія быта якутовъ со времени моего возвращенія въ Иркутскъ. Прибыль я сюда 2-го марта, и 4-го отправился съ докладомъ къ Покровителю Отдѣла.

Генераль-Губернаторъ принялъ меня болѣе, чѣмъ любезно; онъ выказалъ живой интересъ къ дѣлу и держалъ себя вообще такъ, какъ онъ держитъ себя въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хочетъ высказать не только свое вниманіе, но и благорасположеніе. Докладъ и наши дѣйствія были одобрены имъ. Относительно изданія словаря онъ высказался, что это дѣйствительно исполнѣ рациональное начало предпріятія.

Относительно Юхельсона, онъ подивился только его рѣшимости на два съ половиною года ѣхать въ Средне-Колымскъ, но не имѣетъ ничего противъ его перевода туда.

Генераль-Губернатору, видимо, очень понравилось, что въ этомъ дѣлѣ принимаютъ такое видное участіе члены статистическаго Комитета и чиновники Вашего Превосходительства. Докладъ мой Генераль-Губернаторъ заключилъ такимъ замѣчаніемъ: *«Вотъ видите, какъ все хорошо устроилось, а Вы были недовольны моими распоряженіями».*

На это я отвѣтилъ, что я иначе и не представлялъ себѣ дѣла, какъ въ той формѣ, въ которой оно устроилось, и не я виноватъ, если нашлись лица, которыя представили ему и Вамъ дѣло, это въ ложномъ и отчасти невозможномъ свѣтѣ, что во всякомъ случаѣ, разъ въ экспедиціи участвуютъ поднадзорные—необходимо соглашеніе съ администраціей, разъ имѣется ввиду привлечь мѣстныя силы и на нихъ основать всю работу—необходимо остановиться и на тѣхъ учрежденіяхъ, которыя занимаются изученіемъ края; но что, еслибъ при поставленныхъ условіяхъ, я попалъ къ другому губернатору—весьма возможно, что устройство мѣстнаго изслѣдованія стало-бы невозможно. Кромѣ того, какъ Правитель дѣлъ, условіе о цензурѣ я не могъ принять безъ оговорки, такъ какъ это нововведеніе. Уставъ даетъ Отдѣлу право печатать труды свои безъ цензуры. Этимъ и закончилось наше собесѣдованіе.

Сибирякову я пишу немедленно. Остается доложить дѣло объ экспедиціи Комитету, но онъ, вѣроятно, приметъ всѣ наши условія, да, признаться, въ такихъ обстоятельствахъ остается или довѣрять людямъ исполнѣ, или не довѣрять совершенно.

Порученіе Софьи Владимировны я исполнилъ, но самого г. Ильяшевича еще не видалъ.

Покорнѣйше прошу Васъ о принятіи искреннихъ увѣреній въ совершенномъ уваженіи и преданности и передать мой глубокій поклонъ Вашей супругѣ и всему Вашему семейству.

Вашъ слуга Д. Клеменць

1894 г. 9 марта.

Письмо къ графу А. П. Кассини.

Ваше Сіятельство,
Милостивый Государь,
Графъ Артуръ Павловичъ!

Дальняя командировка моя въ Якутскую область, продолжавшаяся съ 23-го декабря по 7-е марта, лишила меня возможности немедленно выразить Вамъ глубочайшую признательность какъ отъ себя лично, такъ и отъ имени В. С. Отдѣла за присылку портрета нашего погибшаго члена и друга, Александры Викторовны Потаниной. Присланный Вашимъ Сіятельствомъ портретъ дѣйствительно гораздо ближе передаетъ черты покойной въ послѣдній періодъ ея жизни, нежели болѣе ранняя иркутская фотографія, имѣющаяся въ Отдѣлѣ и у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, въ томъ числѣ и у меня.

Я считаю совершенно излишнимъ говорить о томъ, насколько тяжела для насъ, а особенно для лицъ, близко знавшихъ Александру Викторовну, утрата, понесенная нами, и, вмѣсто собственныхъ своихъ мыслей по этому поводу, вмѣсто выдержекъ изъ некрологовъ и многочисленныхъ писемъ съ выраженіемъ соболѣзнованія отъ лицъ изъ образованнаго класса, позволю себѣ подѣлиться съ Вами нѣсколькими словами изъ письма простого, грамотного бурята, написанными ко мнѣ послѣ извѣстія о смерти Александры Викторовны:

«Глубокую скорбь возбудило въ насъ извѣстіе о смерти Александры Викторовны, которую мы, буряты—буддисты, считали воплощеніемъ истины и любви. Я вспоминаю, когда она говорила намъ, буддистамъ, о необходимости усвоенія плодовъ европейской науки, намъ казалось, что ея устами говорить сама истина и любовь. Вы, какъ человѣкъ ученый, знаете, что мы, буддисты, вѣримъ, что человѣкъ, служащій дѣлу любви и истины, избавляется отъ мученій злыхъ перерожденій. Я и утѣшаю себя тѣмъ теперь, что бессмертная душа Александры Викто-

ровны, столь много потрудившейся ради любви и истины, получить теперь достойную награду и достигнеть вѣчнаго успокоенія».

Кажется, это самая высокая похвала, которую можно заслужить отъ буддиста. Неудивительно, что мы, люди одного образа мыслей, европейцы, близкіе знакомые; скорбимъ объ утратѣ хорошаго человѣка, самоотверженнаго работника науки, но какую силу душевную нужно носить въ себѣ, чтобы вызвать такія чувства въ недовѣрчивомъ полудикарѣ, буддистѣ-фанатикѣ, такой глубоко-религіозной христіанкѣ, какой была наша покойница.

Въ заключеніе позвольте мнѣ, Ваше сіятельство, выразить Вамъ, какъ главѣ Россійской Императорской Миссіи въ Китайской Имперіи, какъ за моихъ друзей, Потаниныхъ, такъ за себя и за мою жену, глубокую признательность за ту истинно-трогательную заботливость членовъ русской дипломатической миссіи въ разныхъ мѣстахъ Китая и Монголіи, какою мы были окружены, какъ русскіе путешественники, на чужбинѣ. Помимо прямого облегченія въ работѣ, участіе это служило громадной нравственной поддержкой намъ.

Отправляясь въ ближайшемъ будущемъ, по порученію Академіи Наукъ, на 2¹/₂ года въ Монголію и имѣя ввиду прожить весну и будущую зиму въ Ургѣ, я еще не теряю надежды на счастливую случайность, которая позволитъ мнѣ выразить лично мою признательность Вашему Сіятельству.

Имѣю честь просить о принятіи увѣреній въ совершенномъ уваженіи и преданности покорнаго слуги Вашего Сіятельства

Дмитрій Клеменць.

9 марта 1894 года
Иркутскъ.

**Письмо Д. А. Клеменца къ И. М.
Сибирякову.**

Многоуважаемый

Иннокентій Михайловичъ!

Сейчасъ явился изъ Якутска и спѣшу изложить Вамъ ходъ дѣла и результаты, часть которыхъ Вы уже сможете предвидѣть изъ телеграммы, посланной изъ Якутска за подписью моею и секретаря Статистическаго Комитета Попова. Надобно собраться съ духомъ, чтобы изложить всѣ перипетіи этого дѣла.

Передъ отъѣздомъ въ Монголію я писалъ Вамъ, что статистикъ Григорьевъ взялся было за изслѣдованіе быта якутовъ, живущихъ въ предѣлахъ экономическаго вліянія присковъ. Возвращаясь изъ командировки, я думалъ найти на столѣ отчетъ экскурсанта. Не тутъ-то было! Оказалось, что Григорьеву предложили выгодное мѣсто въ комиссіи по землеустройству переселенцевъ—и онъ забросилъ всякую мысль о присковыхъ якутахъ. Землеустройство—это любопытное дѣло, скажу мимоходомъ. Отрѣзываютъ землю у крестьянъ—старожиловъ для переселенцевъ и образуютъ участки вдоль линіи будущей желѣзной дороги для другихъ государственныхъ надобностей. Какихъ? Да вотъ для образованія образцовыхъ фермъ и т. д. Но вѣдь на это немного надобно. Кромѣ того, участки будутъ нужны для водворенія въ Сибири помѣстнаго, дворянскаго элемента. Свѣдѣнія эти я имѣю изъ очень компетентнаго источника. Значитъ, Богъ дастъ, увидимъ повтореніе исторіи съ Уральскими землями. Итакъ, изслѣдованіе не состоялось. Узналъ я, кромѣ того, что Генераль-Губернаторъ словно вооруженъ противъ Якутской экспедиціи и ни за что не разрѣшитъ участія въ ней ссыльныхъ. Я явился къ Г.-Губернатору, по обычаю, возвратившись изъ командировки. Принялъ онъ меня довольно сухо и сталъ упрекать всѣхъ русскихъ путешественниковъ по Монголіи за то, что они ничего не сообщаютъ практически важнаго о странѣ,—«хоть бы кто-нибудь сообщилъ мнѣ о существующихъ путяхъ сообщенія тамъ, о населеніи, его занятіяхъ», и т. д. говорилъ онъ. Я уцѣпился за фразу и обѣщаль сдѣлать, что могу, просидѣлъ двѣ недѣли, и вышла подробная записка во вкусѣ Ген.-Губернатора; доложилъ ему ее. Генераль остался доволенъ. Пользуясь добрымъ расположеніемъ, я завелъ рѣчь объ Якутской экспедиціи. Тонъ вышелъ снова враждебный, но генераль пустился въ разсужденія; удалось выяснитъ, что никакихъ намѣреній игнорировать его власть не было, что экспедиція не имѣетъ какихъ-либо противозаконныхъ цѣлей и т. д. Результатомъ этихъ переговоровъ и были тѣ условія, на которыхъ разрѣшена была экспедиція, и которыя уже извѣстны Вамъ изъ моей телеграммы. Затѣмъ вплоть до половины декабря дѣло тянулось въ Комитетѣ: порѣшили отправить меня въ Якутскъ для переговоровъ на мѣстѣ и устройства предполагаемой экспедиціи.

Сначала мнѣ страшно не повезло. Дорогой я захворалъ и ѣхалъ кое-какъ. Попавъ въ Якутскъ, я рассчитывалъ найти тамъ всѣхъ намѣченныхъ экскурсантовъ въ сборѣ. Оказалось, что мнѣ нужно было ѣхать за ними по улусамъ. Губернаторъ отнесся ко мнѣ первоначально чрезвычайно холодно, даже почти враждебно. Онъ предложилъ мнѣ сначала условіе—отдать всю экспедицію въ распоряженіе Статистическаго Комитета, предоставивъ ему и назначать экскурсантовъ и опредѣлять бюджеты каждаго изъ нихъ. Мнѣ предоставлялось только выработать программу изслѣдованій. Я, разумѣется, не могъ согласиться на подобныя условія и поставилъ вопросъ о самомъ существованіи экспедиціи. Губернаторъ предложилъ не ставить дѣла такъ круто, а ознакомиться сначала съ людьми и существующими отношеніями. Для меня было ясно, что моему пріѣзду въ Якутскъ предшествовали нѣкоторыя «писанія» изъ Иркутска, которыя до нѣкоторой степени возстановили меня противъ Скрипицина. Предложеніе губернатора было мнѣ на руку: у меня было время для того, чтобы ознакомиться съ нимъ.

Я поѣздилъ по улусамъ; но объ улусныхъ впечатлѣніяхъ потомъ. Я сказалъ губернатору, что программъ всякихъ много и превосходныхъ; но мнѣ желательно, чтобы сами экскурсанты, каждый по спеціально занимающему его вопросу, составили программы именно для изслѣдованія Якутскаго населенія. Это показало бы и пониманіе ими задачи изслѣдованія и характеризовало-бы ихъ. Сверхъ того, надобно примѣнить программу и къ средствамъ изслѣдованія. Начались у насъ собранія въ Статистическомъ Комитетѣ. Согласно желанію Г. Губернатора, въ выработкѣ программы приняли участіе и секретарь статистическаго Комитета и ветеринарные врачи. Я же пригласилъ совѣтника областного правленія Меликова, совершившаго недавно длинную поѣздку въ Чукотскій край. Человѣкъ очень интересный, умный и пользующійся большимъ вліяніемъ у губернатора. Приглашеніе польстило ему; онъ человѣкъ самолюбивый, и теперь его интересы связаны съ экспедиціей. Онъ съ самага-же начала совѣщаній нашихъ оказался полезенъ, такъ какъ для нѣкоторыхъ вопросовъ обѣщалъ устроить доступъ въ нѣкоторые архивы. Собранія наши тянулись цѣлый мѣсяцъ. Мало по малу, съ разрѣшенія губернатора, въ немъ приняли участіе нѣкоторые мѣстные, коренные якуты, выразившіе «желаніе ознакомиться съ хо-рошимъ предпріятіемъ и послужить добродѣлю по мѣрѣ силъ».

Каждое засѣданіе наше излагалось въ видѣ протокола (всѣ эти протоколы я пришлю Вамъ, когда они будутъ переписаны). Тѣмъ-же временемъ удалось узнать хорошенько, что имѣетъ противъ меня губернаторъ, и сойтись нѣсколько съ нимъ

Оказалось, что Скрипицынъ самъ заинтересованъ изученіемъ области. Онъ составляетъ памятную книжку Статистическаго Комитета съ цѣлымъ рядомъ статей, которыя почти всѣ писаны и пишутся политическими ссыльными. Губернаторъ боялся, что экспедиція отниметъ у него работниковъ. Далѣе, страдало его самолюбіе, очевидно, раздраженное Иркутскими письмами: какъ онъ, человѣкъ всей душой преданный изученію края, хлопотавшій о разрѣшеніи работать ссыльнымъ въ Комитетѣ, игнорируется Отдѣломъ. Изъ дѣйствій моихъ на собраніяхъ и изъ разговоровъ онъ долженъ былъ однако-же убѣдиться, что „азъ не приидохъ разорити законъ и пророки“. Послѣ окончанія нашихъ совѣщаній, я доложилъ ему о результатѣ ихъ. Хотѣлъ тотчасъ-же покончить дѣла и ѣхать; но онъ пригласилъ и просилъ остаться на денекъ съ тѣмъ, чтобы провести вечеръ вмѣстѣ, по домашнему. Я согласился. Здѣсь въ откровенной бесѣдѣ онъ высказался такъ,—я „шеперился“ противъ этой экспедиціи, когда я думалъ, что Вы все намѣрены дѣлать, игнорируя мѣстныя силы (читай губернатора), но разъ Вы именно заинтересованы устройствомъ мѣстныхъ изслѣдованій,—будьте увѣрены, что всѣ симпатіи на Вашей сторонѣ. Переписка экскурсантовъ изъ ссыльныхъ, по правиламъ, подлежитъ моему контролю; но я, конечно, не буду злоупотреблять своимъ правомъ. Я ему отвѣтилъ на это, что всѣ дѣйствія мои, жертвователя и Отдѣла, достаточно говорятъ за себя и за наше желаніе устроить дѣло посредствомъ мѣстныхъ силъ. Если-бы мы желали, то могли бы легко обойтись безъ хлопотъ, нужды и горя, безъ переговоровъ съ генераломъ и съ нимъ: пригласили-бы одного или двухъ молодыхъ ученыхъ съ именами въ наукѣ, какъ и думалъ Потанинъ, и затѣмъ спокойно и увѣренно стали ждать результатовъ. Теперь-же—сколько времени потрачено на полученіе согласія Горемыкина. Отдѣлъ приноситъ жертву, командировавъ къ Вамъ правителя дѣлъ, какъ разъ въ ту пору, когда подходитъ время годового отчета, передъ выборами председателя. Я лично ничего, кромѣ потери времени, кромѣ запусценія своихъ работъ, тоже не получаю и беру еще нравственную отвѣтственность на себя за дѣло, отъ котораго легко, и на со-

вершено законномъ основаніи, могъ отказаться. Дѣло мы поручаемъ людямъ способнымъ и добросовѣстнымъ, но молодымъ. Жертвователю рискуетъ своими деньгами и рискуетъ, полагаясь только на добросовѣстность лицъ, лично ему неизвѣстныхъ. Помочь Потанину—это другое дѣло: здѣсь экскурсантъ—уже гарантія результатовъ.

Послѣ этой реплики Скрипицынъ отвѣтилъ: нѣтъ ужъ, ради Бога, только не знатныхъ иностранцевъ, не Петербургскихъ ученыхъ. Они будутъ разыгрывать изъ себя важныхъ лицъ оберутъ всѣ цѣнные матеріалы у мѣстныхъ тружениковъ; имъ слава и почетъ, а остальные останутся не при чемъ.

Разстались мы съ губернаторомъ въ самомъ дружелюбномъ и хорошемъ расположеніи духа, повидимому, довольные другъ другомъ.

Вотъ Вамъ, такъ сказать, интимная сторона дѣла. Перехожу къ фактамъ.

Предварительный мой планъ былъ таковъ.

Всю сумму распредѣлить на изслѣдованіе слѣдующихъ мѣстностей— 2¹/₂ тысячи на изслѣдованіе одного изъ сѣверныхъ округовъ, Верхоянскаго или Колымскаго. Колымскій—несравненно интереснѣе по разнородности населенія, по достаточной оригинальности русскаго населенія тамъ и сверхъ того—въ Колымскомъ округѣ уже имѣются въ наличности безусловно вымирающія народности, да и вымершихъ много. Три тысячи я оставлялъ для изслѣдованія быта якутовъ, живущихъ въ предѣлахъ экономическаго вліянія приисковъ. Въ остаткѣ 4¹/₂ тысячи—на изслѣдованіе Якутскаго округа, какъ ближайшаго къ мѣсту жительства экскурсантовъ, и на предварительные расходы, какъ, напр., мою поѣздку въ Якутскъ. Я думалъ съ этой поѣздой обойтись 700 рублями, но оказалась она гораздо дороже: ѣхать пришлось спѣшно, зимой, одному, безъ попутчиковъ. Въ Верхоленскѣ я захворалъ: оба глаза разболѣлись до невозможности смотрѣть ими; кромѣ того, я нажилъ себѣ, надорвавшись, грыжу. Пришлось взять съ собой въ дальнюю дорогу жену, (она доѣхала было со мною до Верхоленска, гдѣ живетъ ея мать); она и довезла меня до Якутска. Тамъ я думалъ прожить всего недѣли двѣ—прожилъ мѣсяць, пришлось ѣхать по улусамъ. Въмѣсто 700 р., вышло 200 рублей передержки. Пишу Вамъ объ этомъ впередъ и прошу Васъ не считать этихъ 200 рублей въ

счетѣ суммъ экспедиціи. Я надѣюсь, буду имѣть возможность осенью будущаго года доложить ихъ, чтобы не уменьшать средствъ экспедиціи. Теперь мнѣ сдѣлать это трудно, такъ какъ самому надобно сразу снаряжаться въ дальній путь на три года; но объ этомъ потомъ.

Въ результатѣ нашихъ совѣщаній получилось: участіе въ экспедиціи принимаютъ слѣдующія лица: *Виташевскій, Гохельсонъ, Богоразъ, Левенталь, Майновъ, Пекарскій*—это все ссыльные. Люди свободныхъ званій--совѣтникъ Меликовъ, секретарь статистическаго Комитета Андрей Иннокентіевичъ Поповъ, ветеринарные врачи Кондаковъ и Дмитріевъ, и такъ какъ Горемыкинъ настаивалъ на участіи священниковъ, то я пригласилъ, во-первыхъ, походнаго священника отца Іоанна Попова, какъ человѣка совершенно безобиднаго, вѣчно развѣзжающаго и могущаго давать свѣдѣнія о тунгусахъ, и затѣмъ, въ качествѣ, такъ сказать, почетнаго члена, отца протоіерея Дмитріяна Попова; онъ безвыѣздно живетъ въ своемъ улусѣ, старикъ 70 лѣтъ, сотрудникъ еще Архіерея Діонисія Хитрово по переводу богослужебныхъ книгъ. Онъ же принималъ крупное участіе въ составленіи словаря якутскаго языка Пекарскимъ. Мѣшаться въ дѣло активно не будетъ. Объ участникахъ экспедиціи можно сказать вообще, что они будутъ продолжать каждый свои многолѣтнія занятія по избраннымъ специальностямъ, но только, пользуясь средствами, расширятъ раіонъ своихъ наблюденій, посвятятъ имъ болѣе времени или даже все время и пополнятъ свои теоретическія свѣдѣнія. Начну съ Виташевскаго. Человѣкъ усидчивый, преданный своимъ занятіямъ и безспорно самый энергичный изъ всѣхъ; къ числу недостатковъ его нельзя не отнести нѣкотораго самолюбія, страсти командовать и верховодить и желанія дѣлать все на большую ногу. Онъ много читалъ, довольно образованъ, знаетъ хорошо якутскій языкъ; авторъ статей «Мотивы якутской дѣйствительности» въ сборникѣ В. Обозрѣнія и «Матеріаловъ по якутской словесности», печатавшихся въ нашихъ „Извѣстіяхъ“. Долго жилъ въ улусахъ, теперь работаетъ въ качествѣ помощника секретаря въ статистическомъ Комитетѣ. Онъ собираетъ матеріалы по обычному праву якутовъ и этимъ-же будетъ заниматься и у насъ. Съ этою цѣлью онъ въ теченіи 1894 года объѣдетъ часть Якутскаго округа, начавъ свое движеніе вверхъ по Ленѣ, затѣмъ къ востоку, а конецъ года проведетъ въ Бутурусскомъ улусѣ. Онъ намѣренъ остана-

вливаться въ каждой инородной управѣ, жить въ ней по недѣлямъ, осмотрѣть архивы и заниматься собираніемъ свѣдѣній о мѣстныхъ обычаяхъ.

Левенталь (хорошо знаетъ якутскій языкъ) занимался разборкой архивовъ и работалъ для статистическаго Комитета, заготовилъ статью, по его заказу, объ экономическомъ бытѣ якутовъ. Онъ занимался прежде политической экономіей и потому будетъ главнымъ образомъ изучать экономической бытъ якутовъ. Онъ намѣренъ посѣтить нѣсколько мѣстностей, отличающихся одна отъ другой въ экономическомъ отношеніи (гдѣ развито хлѣбопашество, гдѣ исключительно скотоводство, гдѣ промыслы) пожить тамъ, чтобы по возможности подробно описать ихъ по личнымъ наблюденіямъ. Другія мѣстности онъ опишетъ при помощи подворной опросной карточки, форма которой уже выработана и будетъ прислана Вамъ вмѣстѣ съ программами, которыя и переписываются съ подлинниковъ для Васъ. Изъ архивовъ онъ извлечетъ матеріалы для исторіи экономическаго развитія Якутской области со времени Черкашенинской Комиссіи, откуда и ведетъ начало современное устройство инородцевъ области. Свѣдѣнія о податяхъ, платежахъ и недоимкахъ онъ добудетъ въ управахъ.

Пекарскій—лучшій знатокъ якутскаго языка, можетъ быть, во всей области. 12 лѣтъ онъ уже работаетъ надъ составленіемъ якутскаго словаря. Теперь онъ готовъ. О способѣ изданія его въ концѣ письма. Онъ составилъ программу для изученія внѣшняго и семейно-общественнаго быта инородцевъ. Программа эта говоритъ уже сама за себя достаточно. Къ выполненію ея онъ приступитъ слѣдующимъ образомъ—наберетъ сотрудниковъ какъ изъ ссыльныхъ, такъ и изъ инородцевъ, и будетъ имъ раздавать разныя задачи. Себѣ онъ предоставляетъ только редакцію собранныхъ свѣдѣній. Между инородцами якутскими, его сотрудниками, есть и учившіеся въ гимназій, и одинъ изъ нихъ взялъ на себя трудъ составить программу по вѣрованіямъ якутовъ.

Майновъ—якутскаго языка не знаетъ; но онъ еще въ Росіи пріобрѣлъ большой навыкъ въ разборѣ древнихъ рукописей; онъ займется разборомъ стараго архива. Потомъ онъ вмѣстѣ съ дядей своимъ, теперь уже умершимъ русскимъ антропологомъ, занимался антропометрическими измѣреніями. Онъ зай-

мется этимъ дѣломъ и затѣмъ вопросомъ объ объѣкчиваніи русскихихъ.

Юхельсонъ—четыре года прожилъ въ Средне-Колымскѣ.

Богоразъ и теперъ тамъ.—Юхельсонъ рѣшилъ снова вернуться въ Колымскъ, чтобы въ теченіе трехъ лѣтъ, или, точнѣе, двухъ съ половиною, заняться изученіемъ края, уже ему знакомаго вмѣстѣ съ Богоразомъ.

Программа ихъ дѣйствій такая: 1) Русское населеніе и Якутскій улусъ (быть якутовъ тамъ сохранился чище). 2) Юкагиры, обрусѣлые и необрусѣлые. 3) Чукчи и Чуванцы (почти совершенно вымершая народность). 4) Ламуты и Тунгусы. Разумѣется, работа ихъ, среди столь пестрой смѣси національностей, не можетъ отличаться такимъ обиліемъ подробностей, какъ работы экскурсантовъ въ Якутскомъ округѣ. Населеніе Колымы малочисленное, бродячее по большей части, рѣдкое, разноязычное; но я надѣюсь на то, во-первыхъ, что Юхельсонъ и Богоразъ наиболѣе солидно образованные люди изъ нашихъ сотрудниковъ, во вторыхъ, что и мѣстная администрація, въ лицѣ исправника Карзина, тоже очень любознательнаго человѣка, поможетъ, чѣмъ можетъ. Ветеринаръ Дмитріевъ взялъ на себя обслѣдовать скотоводство (по этой части онъ очень хорошо подготовленный человѣкъ—онъ хорошо и усердно учился). Скотоводство—безусловно центральный пунктъ въ экономической жизни Якутской области, и его необходимо обслѣдовать черезъ специалиста.

Меликовъ заявилъ, что онъ будетъ дѣлать выборки изъ уголовныхъ дѣлъ объ якутахъ, для характеристики преступности якутовъ.

Секретарь Поповъ заявилъ, что онъ на себя никакой специальной работы не беретъ, а главнымъ образомъ, послѣ разѣздовъ экскурсантовъ, будетъ служить центральнымъ пунктомъ для сношеній между ними.

Теперь перехожу къ вопросамъ бюджетнымъ.

Для изслѣдованія Колымскаго округа въ теченіи трехъ лѣтъ для Юхельсона и Богоразы потребно 2500 рублей по слѣдующему расчету:

Юхельсонъ. Остается для подготовки къ работамъ въ Якутскѣ до августа мѣсяца (онъ поѣдетъ въ улусъ, чтобы нѣсколько ознакомиться съ якутскимъ языкомъ, долженъ будетъ записаться

инструментами и книгами для себя и для Богораза: на три года кромѣ того, почта пойдетъ въ Колымскъ въ августѣ мѣсяцѣ). Для него съ 15-го февраля 1894 г. по 15 фев. 1897 года по 15 руб.

въ мѣсяцъ	540 р.
На разъѣзды (наемъ каюра, оленнаго или со- бачьяго) на три года	375 р.
На подарки инородцамъ и др.	125 р.
На переписку и случайные расходы	125 р.
На пособия для обоихъ экскурсантовъ, проѣздъ въ Колымскъ и обратно	290 р.
	<hr/>
Всего	1455 р.

Для Богораза.

Съ 15 октября 1894 года по 15 февр. 1897 года по 15 р. въ мѣсяцъ	420 р.
На разъѣзды	375 р.
На подарки	125 р.
На переписку и случайные расходы	125 р.
	<hr/>
	1045 р.
Всего	2500 р.

Изслѣдователи Якутскаго округа опредѣлили свой бюджетъ только на одинъ годъ, что же касается до слѣдующаго года, то онъ опредѣлится по окончаніи перваго года работъ: тогда будетъ видно, что останется дальше сдѣлать.

Виташевскому, Левенталю и Майнову по 350 р.	1050 р.
Въ распоряженіе Пекарскаго на выполненіе программы по изслѣдованію быта	240 р.
Ему-же для выполненія программы по изслѣдова- нію вѣрованій	200 р.
Ветеринару Дмитріеву	100 р. *)
На пособия	100 р.
На канцелярскіе и случайные расходы	60 р.
	<hr/>
Итого	1850 р.

*) Дмитріевъ сказалъ, что на казенныя командировки по службѣ онъ рассчитывать не можетъ, а потому просилъ ассигновать только на прогоны если-же прогоны не понадобятся, онъ остатки возвращать.

Изъ имѣющихся въ распоряженіи 2000 на экспедицію израсходовано на мою поѣздку, вмѣсто 700	900 р.
Остается	1100 р.
Необходимы на нынѣшній годъ половина бюд- жета Юхельсона и Богораза или	1250 р.
И на Якутскій округъ	900 р.
<hr/>	
Итого необходимо . . 2150 р.	

Ввиду желанія экскурсантовъ приступить возможно ско-
ро къ работамъ, имѣющаяся въ остаткѣ сумма передана въ ихъ
распоряженіе.

Что касается до 2-хъ тысячъ, пожертвованныхъ Вами на
изданіе уже готовыхъ трудовъ, то всѣ участники заявили, что
никто изъ нихъ и не попытается предложить къ печати свой
трудъ, пока не напечатана работа Пекарскаго—Словарь якут-
скаго языка. Работа эта настолько капитальная, что, помимо
полезности ея, какъ для самихъ экскурсантовъ, такъ и вообще
для мѣстнаго населенія, желательно бы съ перваго же года за-
рекомендовать экспедицію капитальнымъ, серьезнымъ трудомъ.
Поэтому рѣшено печатать словарь. Встрѣчено было затрудненіе
насчетъ шрифта. Для якутскаго языка наилучшая транскрип-
ція, изобрѣтенная академикомъ Беглингомъ; но для нея нуж-
но въ русскомъ алфавитѣ нѣсколько новыхъ буквъ съ надстро-
чными знаками. Затрудненіе это удалось рѣшить такъ. Област-
ная типографія нуждается въ шрифтѣ для якутовъ; но не имѣ-
етъ средствъ для заказа его. Областное правленіе согласилось
на такія условія—шрифтъ ей покупается изъ средствъ на из-
даніе словаря съ тѣмъ, чтобы она выплатила эту сумму набо-
ромъ и печатаньемъ самаго словаря по цѣнамъ Иркутскихъ
типографій.

Мнѣ эта комбинація нравится по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Это гораздо дешевле и удобнѣе, чѣмъ покупка шриф-
та за свой счетъ или отсылка печатанія въ Академію Наукъ, 2) авторъ
будетъ имѣть возможность самъ корректировать свою работу, что
для словаря безусловно важно, 3) по оплатѣ шрифта работой,
онъ останется въ якутской типографіи и, благодаря Вашей эк-
спедиціи, тамъ можно будетъ печатать и пользоваться имъ для
нуждъ мѣстныхъ и для печатанія якутскихъ текстовъ нашихъ
изслѣдователей.

Относительно Олекминскаго округа и якутовъ, работающих на приискахъ, и для приисковъ Губернаторъ Скрипицынъ сдѣлалъ свое предложеніе. По его словамъ, онъ самъ глубоко заинтересованъ этими якутами и находитъ что положеніе ихъ— „очень бѣдственное“. Онъ заявилъ такую мысль: „на приисковыхъ рабочихъ, горныхъ, обращено уже вниманіе, для нихъ уже сдѣлано кое-что и, вѣроятно, еще больше сдѣлаютъ въ будущемъ, а вотъ этотъ то классъ рабочихъ, также связанный съ приисками, до сихъ поръ остается въ тѣни, невыясненъ. Если мнѣ дадите программу и двѣ тысячи, я специально командую туда человека (секретаря Попова), и, кромѣ того, у меня будетъ десять человекъ по крайней мѣрѣ такъ, приватно, работать на томъ же дѣлѣ и собирать матеріалы“. Я уклонился отъ отвѣта подъ тѣмъ предлогомъ, что не имѣю на это полномочій ни отъ Отдѣла ни отъ жертвователя. Мнѣ кажется, все таки его надобно имѣть на примѣтѣ; но посмотрѣть сначала, какъ онъ покажетъ себя въ нынѣшнемъ году.

Въ улусахъ я встрѣтилъ среди ссыльныхъ одно весьма отрадное явленіе. О прошломъ нашего брата пусть судятъ, какъ угодно, и спорятъ; но эта заслуга, о которой пойдетъ рѣчь, зачтется всякимъ честнымъ человекомъ.

Нѣсколько человекъ ссыльныхъ и во главѣ ихъ Всеволодъ Михайловичъ Іоновъ, попавъ въ улусы, занялись обученіемъ маленькихъ якутовъ русскому языку и по спутности вообще элементарнымъ обученіемъ. Изъ двухъ прилагаемыхъ къ этому писемъ, Вы увидите отзывы о трудѣ Іонова и отчасти исторію его—я передамъ только личныя впечатлѣнія. Іоновъ создалъ практической учебникъ для обученія русскому языку якутовъ. Это былъ громадный и съ любовью выполненный трудъ. Учебникъ этотъ въ рукописи гуляетъ по рукамъ, и одинъ изъ пишущихъ, Осмоловскій, учитъ по его учебнику. Іоновъ—педагогъ фанатикъ, онъ всѣхъ старается крестить въ свою педагогическую вѣру. Вы, вѣроятно, слышали исторію учителя Семенова въ Иркутскѣ, сосланнаго въ Якутскую область за пощечину инспектору училищъ...*)

Придавленнаго нравственно и казеннаго, сосланнаго въ улусъ Семенова поймалъ Іоновъ и убѣдилъ его заняться педагогичес-

*) Далѣе излагается исторія дѣла Семенова.

кой практикой. Теперь и Семеновъ работаетъ по учебнику Іонова. Іоновъ уже опредѣлилъ свою жизненную задачу, рѣшилъ навсегда остаться въ Якутской области и продолжать начатое дѣло.

Зная, какъ Вы интересуетесь подобными людьми и народнымъ образованіемъ вообще, я и посылаю Вамъ два отзыва о трудѣ Іонова. Изъ Якутска Вамъ вышлютъ переписанныя части учебника Іонова и его наставленія, какъ преподавать по этому учебнику. У Іонова уже есть ученикъ, который обученъ имъ и тоже занимается преподаваніемъ. Сильное впечатлѣніе произвелъ на меня тотъ день, который провелъ я въ улусѣ въ бесѣдѣ съ Іоновымъ о его дѣятельности. Оказывается, дѣйствительно «Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма не объятъ его».

Можетъ быть, этотъ учебникъ хорошо бы издать, благошрифтъ будетъ въ Якутскѣ. Если Вы пожелаете узнать что-либо болѣе объ Іоновѣ, то обратитесь къ секретарю областного статистическаго Комитета, Попову.

Вотъ Вамъ отчетъ объ Якутскихъ работахъ.

Дѣло теперъ налажено. Всѣ легальные члены нашей экспедиціи выберутся въ члены В. С. Отдѣла и, такимъ образомъ будутъ обязаны способствовать его успѣху. Самъ-же я долженъ считать на этомъ свою задачу поконченной. Не ѣздить-же по зимамъ еще разъ, чтобы налаживать дѣло. Участники—народъ добросовѣстный и не ребята малые, сумѣютъ вести дѣло сами. Ихъ честь и ихъ прямой интересъ—въ томъ, чтобы дѣло вышло, какъ можно лучше. Имъ-же придется доводить и продолжать его и послѣ окончанія экспедиціи. Самъ я, какъ Вамъ можетъ быть, уже и извѣстно, отправляюсь на 2¹/₂ года въ Монголію. Дѣло налажено, теперъ надобно будетъ ждать плодовъ и трудовъ.

Можетъ быть, Вы спросите, почему я оставляю Иркутскъ, Отдѣлъ и газету. Отвѣтъ одинъ—усталъ. Все время мое принадлежало Отдѣлу и другимъ. Теперь думаю поработать для себя и покончить со своими работами. Зимовать я буду въ Ургѣ и тамъ, по зимамъ, кончать старыя работы. Средства на экспедицію очень небольшія: 5000 р. на 2¹/₂ года съ возвращеніемъ на тѣ-же средства въ Петербургъ, но за то у меня будетъ *одно дѣло на рукахъ*, а не десять, какъ было до сихъ поръ. Придется, разумѣется, отказаться отъ покупки нѣкоторыхъ инструментовъ,

сократить планъ; но все-таки *одно дѣло на рукахъ*. Одолѣло меня одиночество въ работѣ по разнымъ дѣламъ. Хотя бы по Якутской экспедиціи, кромѣ Васъ, никто мнѣ не помогъ. Я только и слышалъ, ввидѣ поощренія: Генераль-Губернаторъ не согласится, Губернаторъ тоже, изъ этого ничего не выйдетъ; и такъ чуть ли не со всякимъ дѣломъ. Расчитывалъ, что меня въ Отдѣлѣ замѣнитъ Потанинъ, но онъ говоритъ, что не можетъ ѣхать въ Иркутскъ, и, по-моему, напрасно. Для человѣка въ его положеніи нужно какое-нибудь категорическое обязательное дѣло, которое ставилъ бы я выше себя, и которое не давало бы времени останавливаться на своемъ положеніи. Онъ думаетъ, что его займутъ кабинетные труды его, но я не вѣрю этому. Эти труды постоянно сопровождаются раздумьемъ, сомнѣньемъ въ себѣ и мучительной тоской. Я хорошенько не понимаю, почему въ Петербургъ ему можно ѣхать изъ Самары, а въ Иркутскъ, гдѣ у него столько искренно расположенныхъ къ нему людей, нельзя. Въ Петербургъ онъ, навѣрное, будетъ у Васъ; можетъ быть, зайдетъ рѣчь объ Иркутскѣ. Вѣдь здѣсь въ Сибири, кажется, и есть все, что осталось для него симпатичнаго. Если бъ онъ сѣзидилъ лѣтомъ на пароходѣ въ Якутскъ, онъ освѣжился-бы. Масса новаго матеріала и впечатлѣній, да и экскурсантамъ онъ былъ-бы полезенъ, такъ какъ онъ заправскій этнографъ, а не нашъ братъ, диллетантъ.

Участники экспедиціи хотѣли писать Вамъ. Весьма интересно знать, что напишутъ они Вамъ.

Надѣюсь, Вы будете добры, не откажете мнѣ черкнуть строчку, другую, по поводу написаннаго и сдѣланнаго мною.

Адресъ мой: Урга. Консульство — Д. А. Клеменць.

Мнѣ письма будутъ доставлять аккуратно.

Прошу Васъ принять увѣренія мои въ чувствахъ глубокой симпатіи и уваженія къ Вамъ. Теперь года черезъ три, м. б., найду возможность сказать Вамъ то же лично.

Вашъ покорный слуга Д. Клеменць.

